

Из воспоминаний Козубенко Ивана Семеновича. Цит по: Драбкин А.В. По локоть в крови. Красный Крест Красной Армии / Артем Драбкин. — М.: Яуза: Эксмо, 2010.

Козубенко Иван Семенович

Книга: По локоть в крови. Красный Крест Красной Армии

Алтай — моя родина

Алтай — благодатный край. Одни называют его золотым, от алтайского слова «алтын», что в переводе «золото». Другие зовут его превосходным от тюркского корня «Ал». В переводе «превосходный» или «лучший». Это лазурный край, не случайно художники видят его голубым. На территории Алтая смогли бы разместиться Московская, Ленинградская, Тверская и Тульская области и еще бы осталось место для средних европейских государств. Этот благодатный край еще с давних времен называли Российской Швейцарией. На Алтае есть все: и горные луга с зачаровывающим разнообразием, и черноземы, ни в чем не уступающие украинским, и особые леса (два ленточных бора, простирающиеся с юга на север более чем на 400 км), и реки. О реках нужно сказать особо. Обь — одна из самых больших рек Сибири берет свое начало на Алтае от слияния двух рек Бии и Катунь, которые берут свое начало с ледников Алтайских гор. Катунь не только катит воду, но и валуны до полтонны. Гудит так, что никакой шум морского прибоя с ним не сравнится. Дикая первозданная природа. На левом берегу можно видеть на водопое и оленей, и косуль, и баловство медведей. «Жемчужина, гордость Сибири, сказочный край» — так отзываются об Алтае те, кто хоть раз побывал и почувствовал его притягательную силу. Расстался я с моей малой Родиной более 60 лет назад, но, несмотря на столь продолжительный срок, душевные чувства к родному краю не только не уменьшаются, а наоборот, приобретают весомые качества. Эти строки подчеркивают то, кто ты есть, кто в тебя заложил те моральные и физические силы для служения Отечеству. Алтай — моя Родина.

Война

В конце первого полугодия 3-го курса Барнаульского педучилища я перевелся на заочное отделение и пошел работать в школу учителем. Заключительную экзаменационную сессию и экзамены сдавал индивидуально. Причина состояла в том, что в конце июня должно было состояться совещание — встреча молодых учителей. В районе я оказался самым молодым по возрасту и должен был поехать на это мероприятие. Сдав все экзамены, я вернулся в отчий дом на станцию Калманка 22 июня 1941

года. Утро было теплым, солнечным, безветренным. Люди отдыхали. Ничего, кажется, не предвещало беды. Но примерно с 12 часов (по московскому 8 утра) у начальников и их окружения сменилось настроение, и это бросалось в глаза. Власти уже знали о начале войны. Стали оповещать население о том, чтобы к 16 часам (12 часов по московскому времени) собирались у сквера вокзала на очень важное сообщение правительства. В 16 часов из установленных радиоприемников прозвучала речь Молотова (министра иностранных дел) о том, что Германия внезапно, без объявления войны напала на Советский Союз. Страшное известие. На лицах страх, озабоченность и даже удивление. Как же так, ведь есть же договор? Если 22 июня после сообщения было удивление, непредсказуемость, страх, то 23 июня на площади около школы с утра уже было множество людей. Первый мобилизационный призыв военнообязанных первой очереди. Такое продолжалось несколько дней. Потом отправлялись в армию уже партии поменьше.

Проводы вообще тягостное зрелище. Проводы же на войну зрелище жуткое. Успокаивающие речи мужчин и плач женщин. У нас, молодежи, которая была воспитана чувством высокого патриотизма и лозунгами «врага разобьем на чужой земле, малой кровью, мощным ударом», уныния было вначале мало. Но на уме было: а вдруг война закончится без нас. Почему не призывают нас? С этим вопросом нас несколько человек обратились к работнику военкомата. Ответ был категоричным — не мешайте работать. Когда надо будет — вызовем. Время шло, а повестки все не было. Начали приезжать эвакуированные женщины, дети. Их рассказы о пережитом, о том, что творили фашисты, вызывали возмущение, но в большей степени был гнев и ненависть к врагу. Среди эвакуированных оказалась одна учительница. И это вызвало радость среди учителей. Хоть немножко, но уменьшалась нагрузка.

Вести с фронта продолжали поступать нерадостные. Фашисты продолжали захватывать все новые и новые территории. Пришли первые похоронки (извещения о гибели в боях за Родину). Изменялись отношения между людьми. Прекратились всякие ссоры и склоки. Работа, работа и работа. В работе находили и выполнение долга, и удовлетворение. Радость была лишь тогда, когда приходили сводки об успехах на том или ином участке фронта. Шел третий месяц войны. Вести приходили все хуже и хуже. В августе пришла повестка отцу. Его напутствие: «Пока тебя не призвали, на тебе семья. Остаются мать и трое детей, младшему 4 года». Отцу шел пятый десяток лет. Мужчин почти не осталось — все призваны в армию. На хозяйстве женщины, старики и негодные к службе мужчины.

Школа

Я учительствовал в Моховушинской неполной средней школе. Школа была открыта два года назад. В ней учились дети из четырех сел: Зимари, Петров Лог, Ивановка и Моховушка. Село Моховушка расположено на равном расстоянии от сел. Село Ивановка располагалось в 5 км, а Петров Лог — в 3 км, село Зимари в 6 км. Моховушка находилась почти посередине Барнаульского бора, ширина которого колебалась от 9 км до 15 км. Ученики 5-7-х классов в большинстве своем были переростки. После окончания 4-го класса в школах этих сел дети могли учиться только в школе на станции Калманка. Это 18-20 км от этих сел. Многие выпускники начальных школ прекратили учебу и после открытия неполной средней школы в селе Моховушка стали ходить в эту школу. Занятия проводились в две смены. В первую смену с дальних сел, во вторую смену — дети с Моховушки. Школа в глубинке. Учителей был большой некомплект. Учителей с высшим педагогическим образованием не было. Было три учительницы, которые окончили учительский институт. Были такие институты с 2-годичным сроком обучения. Я, имея среднее педагогическое образование, преподавал математику, физику, черчение и в некоторых классах географию. Подготовка к занятиям занимала много времени. Приходилось засиживаться допоздна. Нагрузка большая — 32-36 часов в неделю, это работа за двоих. В сентябре — октябре занятия проводились 2-3 раза в неделю. Остальные дни дети работали в колхозах на уборке урожая и других работах. Кроме того, что трудоспособные мужчины ушли в армию, еще была мобилизована техника и часть лошадей. Поэтому школьники работали наравне со взрослыми и учителями, конечно, с ними вместе. Учителя имели большой авторитет в селах. Они занимались и политико-просветительской работой. Вести с фронта, беседы на различные темы. Первые похоронки. По вечерам у школы собиралось много жителей. Старики рассказывали о немцах 1-й мировой войны, обсуждались вести с фронта, хозяйственные дела. Патриотизм людей

проявлялся отношением к работе: и урожай был собран весь, и корм для скота заготовлен, и озимые посеяны.

Я оказался в броне от призыва в связи с тем, что не хватало учителей, из-за чего соединяли классы. Я подал заявление с просьбой о призыве в армию как доброволец. Текст заявления подсказали в военкомате. О заявлении в военкомат и о том, что могут призвать в армию, т. е. обойти бронь, нужно было в заявлении указать, чтоб призвали как добровольца. Я известил ребят — таких же учителей, как и я, находящихся на брони в соседних школах. На следующий день они все написали такие заявления. Наконец пришла повестка. 12 декабря 1941 г. меня провожали в армию. Конечно, проводы, плач матери. Я призывался последним из нашей семьи — четвертым. В нашей команде около 280 человек, оказалось три учителя, которые были в таком же положении, как и я. Перед отправкой эшелона (теплушки — товарные вагоны, оборудованные нарами) мне вручили пакет с призывными карточками с указанием места назначения — Славгород. Это город Алтайского края в Кулундской степи. Первая остановка в Новосибирске. Офицеры провели осмотр эшелона. Никаких серьезных замечаний нам не было. При посадке в вагоны офицеры военкомата тщательно проверяли, чтоб ни у кого не было спиртного. Так что наш эшелон был трезвым. В г. Новосибирске размещался штаб 312-й стрелковой дивизии. Дивизия была выведена из боев на переформирование. Выдали нам сухой паек, хотя у каждого из нас был запас продуктов. Эшелон отправился дальше к месту назначения. В г. Славгороде располагалась вся артиллерия дивизии. По прибытии в г. Славгород нас построили, и началась дележка, т. е. представители разных артиллерийских частей отбирали в свои части солдат. Мои товарищи-учителя попали в дивизион реактивных установок «катюши». Я попал в артиллерийский полк. Зачислили в штабную батарею вычислителем. Полк располагался в Доме культуры. Вдоль стен зрительного зала сооружены 4-ярусные нары. На нарах солома, покрытая брезентом. Постельных принадлежностей не было. Обмундировали добротной: выдали валенки, полушубки, шапки, белье, гимнастерки, брюки и по полотенцу. Через несколько дней я пошел к комиссару полка. Вопрос был один: я доброволец, почему меня не направляют на фронт? Комиссар выслушал меня внимательно, потом беседа пошла в таком ключе. Какой красноармеец нужен фронту? — спросил комиссар и тут же ответил сам: нужен тот, кто успеет первым поразить врага, не допустить, чтоб враг поразил тебя первым. Что ты умеешь делать как красноармеец: знать материальную часть, стрелять, окапываться и т. д. И ответ — ничего. Военное дело — это наука, и, для того чтобы побеждать, нужно уметь это делать. Ты в военкомате был добровольцем, а сейчас ты красноармеец, как и все. Иди и учись военному делу. Ушел я от комиссара пристыженным не им, а самим собой. Сейчас, с позиции многих прожитых лет, делаю вывод, что та кратковременная беседа у комиссара полка превратила меня из пылкого юноши в начальную стадию зрелого мужчины.

Продолжалась интенсивная учеба. Усвоение материала давалось мне легко. Сказывались знания, приобретенные в педучилище и школе. Из материальной части в полку было два 76-мм орудия, выпуска 1912 года. На них по очереди каждая батарея проводила занятия. В каждой батарее было по одному карабину. Полк был на конной тяге. Получили коней. Кони были монгольской породы. Малорослые, но выносливые. Самое трудное было то, что они были полудикие. Зима 1941/42 г. была очень суровой. Дули бураны, были сильные морозы. Что такое буран в степи, литераторы описывали много раз, но чтобы понять это явление природы, надо его пережить. Вот в один из таких буранов нас подняли по тревоге. Эта тревога запомнилась особо. Оказалось, вырвались из стойл лошади и ушли в степь в буран. Три дня всем полком отыскивали и загоняли лошадей. Это был трудный урок солдатской жизни. Благо на второй день буран утих, и лошадиная эпопея закончилась благополучно.

В феврале меня вызвал комиссар полка. Расспросил, как служит доброволец, что пишут из дома, кто еще из близких в армии, как складываются взаимоотношения с товарищами, и др. вопросы. Комиссар располагал к откровенности. Я старался ответить на заданные вопросы. В конце беседы комиссар сказал, что на полк пришла разнарядка на одного человека на учебу, и меня решено отправить в училище, и это училище медицинское. Я ожидал всякое, но чтобы в медицинское, даже не предполагал. Я спросил, а в строевое нельзя? Комиссар ответил, что есть такое слово «надо»,

которое затмевает собой любые личные желания и потребности. Слово «надо» равносильно слову «приказ». С тех пор вся служба, да, пожалуй, и вся жизнь, у меня прошла под магическим словом «надо». От комиссара ушел с раздвоенным чувством. С одной стороны — гордость. С полка один человек — и это я. С другой — горечь. Опять учеба, а не фронт. Простился с товарищами. Получил документы и отправился в г. Омск, где находилось училище. Омск был городом военных училищ. В нем находились два пехотных, два танковых, авиационное, интендантское и военно-медицинское училища.

Учеба

Ленинградское военно-медицинское училище им. Щорса эвакуировано было в г. Омск из Ленинграда. Это училище было самым старым в России. Создано указом Петра I, как школа лекарьских помощников. Училище выпускало фельдшеров для военно-морского флота и для сухопутных войск. В Омске училище располагалось в старой крепости, построенной в середине XIX века. Училище было под патронажем Военно-медицинской академии. Училищу было присвоено имя героя Гражданской войны, легендарного начдива, фельдшера по образованию Н.А. Щорса. При эвакуации из Ленинграда вместе с личным составом и профессорско-преподавательскими кадрами была вывезена материально-техническая и учебная база. Училище располагало всем необходимым для подготовки высококвалифицированных специалистов. Училище имело право пользоваться всем необходимым, что было в Омском медицинском институте, особенно анатомическим центром, которого не было в училище. В целом же учебная база училища была на порядок выше институтской, и студенты института периодически пользовались ею. При распределении по подразделениям я оказался в первом взводе. В роте было четыре взвода по сорок человек. Состав курсантов был неоднороден. По возрасту от 18 до 30 лет. Со средним образованием были единицы. В основном с неполным средним, т. е. с 7 классами школы. В роте были и те, кто уже участвовал в боях. Командиры отделений. Помощники командиров взводов были назначены из курсантов. Командиром первого отделения был назначен курсант Азаров, а помощником командира взвода курсант Соколов, который был переведен в наше училище из авиационного. Курсовым командиром 1 и 2-го взводов был лейтенант Коварский — выпускник училища. Начальником училища был подполковник медицинской службы Георгиевский, который впоследствии стал генералом и начальником Военно-медицинской академии. Высококвалифицированными специалистами были преподаватели. Кандидатов и докторов медицинских наук в училище было больше, чем в медицинском институте. Доброжелательность преподавателей, прекрасная учебная база обеспечивали усвоение материала. Учебная нагрузка была очень большой. По 8-10 часов специальной подготовки, четыре часа самоподготовки, плюс несение внутренней и гарнизонной службы. Учеба увлекла. Я успешно осваивал учебный материал. Особое внимание уделялось военно-полевой хирургии. Практику проходили в военных госпиталях и гражданских поликлиниках. Врачи этих лечебных учреждений высоко оценивали знания и прилежность курсантов при выполнении тех или иных процедур. Курсантам доверяли ассистирование при операциях, дачи наркоза, перевязки при сложных ранениях и многое другое. Конечно, не всем курсантам была под силу учебная нагрузка. Некоторым присваивали сержантские звания и отправляли в части на должности санинструкторов. Немало времени занимала общевоинская подготовка и медико-санитарная тактика. В декабре 1942 г. пять наиболее успевающих курсантов откомандировали на фронт в качестве стажеров. В их числе оказался и я. Предписание гласило: убыть в распоряжение отдела кадров Главного медико-санитарного управления. В Москву прибыли без приключений. В отделе кадров нас направили на разные фронты. Мне выпала доля убыть на Сталинградский фронт. Добрался туда с большими трудностями. Сначала пристроился в воинский эшелон, идущий на юг. Потом на перекладных. Я потерял счет, сколько раз у меня проверяли документы. Медико-санитарное управление нашел в небольшом селении — какой-то Яр. В отделе кадров встретили неприветливо. Майор, кто он по должности, не знаю, после кратковременного раздумья сказал: прибыла отдельная рота морской пехоты, пойдете туда фельдшером. Рассказал, как добраться до станции Гнилоаксайская, там находился медсанбат. Перед этим долго водил пальцем по карте. Вручил предписание. В бланк вписал звание и фамилию. При этом сказал: в медсанбате вам скажут,

где рота. От этой встречи осталось тягостное впечатление. Добрался до медсанбата. После проверки документов сказали, что с роты есть раненые, они расскажут, как добраться до роты. Один матрос с легким ранением вызвался проводить меня в роту.

Пришли в роту уже под вечер. Рота занимала оборону недалеко от станции Заря. Доложил командиру роты. При докладе один из присутствующих изрек, что нам еще пацанов не хватало. Командир роты его оборвал, а я стоял как в воду опущенный. Я спросил: где медпункт? Медпункта как такового не было. Командир роты одному из присутствующих сказал, чтобы взял людей для оборудования медпункта, и указал место. Пока матросы оборудовали медпункт (землянку), я с одним матросом вернулся в медсанбат, чтобы что-то взять для медпункта. В медсанбате с проволочками ходил от одного начальника к другому, получил перевязочный материал, несколько шин, некоторые медикаменты, необходимые для оказания первой помощи при ранениях. Получилась приличная ноша. Нам с матросом повезло. Нас догнала повозка, которая ехала как раз на станцию Заря. Вернулись в роту уже затемно. Командир роты распорядился провести меня по взводам роты. Знакомство было коротким. Матрос говорил: «Это наш доктор». Рота располагалась в траншеях, периодически была стрельба. При взрывах я кланялся. Матрос подбадривал, мол, привыкай. Вернулись к командиру роты. Матрос доложил. Упомянул, что я кланялся от стрельбы. Мне было сказано, что у нас не прячутся и спину не показывают. Я как-то быстро среагировал и сказал: «А если вас заденет, мне вас тащить задом наперед?» Смех присутствующих. Командир роты ответил: «Посмотрим». В общем, встреча настороженная, чужой человек, как он поведет себя. В роте все друг друга знали. Сформирована рота была в Хабаровске и срочно переброшена под Сталинград. Рота большая. Около 200 человек. Уже несколько дней участвовала в боях, понесла потери. Матроса оставили со мной в качестве санитаря. На второй день дали еще одного. Под медпункт приспособили воронку от снаряда, углубили и сделали небольшое перекрытие. Медсанбат был недалеко. Это меня радовало.

В восемь утра немцы начали с артиллерийского налета по переднему краю, а потом перенесли огонь в глубину обороны. Было, конечно, страшновато. Но я старался держаться и не показывать виду. Немцы пошли в атаку: танки, бронетранспортеры, а за ними пехота. Наша артиллерия стала вести огонь. Несколько немецких танков загорелось. Матросы, несмотря на холод, снимали шапки и надевали бескозырки. Каски были, но не на головах. Командиры взводов ругались. Бесполезно. Появились раненые. Первый раненый — рана пулевая в плечо. Раздел, перевязал, показал, куда идти. Другому раненому то же. Раненых было немало, и в ходе боя их число росло. Робость сама собой прошла. Началась работа. Атаку отбили. Началась эвакуация тяжелораненых. Дали несколько матросов, чтобы уносили раненых в санчасть, а оттуда то повозка, то машина. В основном повозки. Принесли пищу в термосах. Для меня все было ново. Через пару часов вновь атака немцев. Старый сценарий. Артналет, танки и пехота. В мозгу мысль: «Как бы не опозориться». Опять раненые. По траншее от одного к другому. О ходе боя задумываться было некогда. Главное, помощь раненым и их эвакуация. Такая интенсивность боев была еще несколько дней. Командир роты после первых дней моего участия в боях сказал: «Так держать, курсант!» Интенсивность боев постепенно угасала. Немцы выдохлись.

Потери в роте были большими. В роте осталось меньше ста бойцов. Меня в роте уже считали своим. Роту сменила мотопехота, и нас отвели в тыл. Так состоялось мое боевое крещение. Рота перешла в подчинение мотострелковой бригады. 20.01.1943 года меня откомандировали назад в училище. Получил письменный отзыв. Проводы были теплыми, не обошлось и без выпивки. Так я почувствовал, что значит фронтовая дружба, братство, взаимопомощь и сердечность. В медсануправлении принимал меня уже другой офицер. Поблагодарил за службу. Посоветовал вернуться на этот фронт. Уже в вагоне по пути в г. Омск стал осмысливать весь период стажировки. Стали вырисовываться все плюсы и минусы. Мало уметь оказывать первую помощь раненым, надо еще и решить много организационных вопросов, таких, как оборудование медпункта, пополнение медимущества, иметь четкое представление о расположении медчастей, быть в курсе хода боя, пути, методы эвакуации раненых и многое другое. Но окончательное осмысливание пришло уже в

училище. Вернулось нас в училище четверо. Один курсант погиб. На стажировке из взвода я был один и с остальными курсантами, что были на стажировке, встречались мимоходом. После того как вручил пакет начальнику учебной части, а пакет мне был вручен в отделе кадров медсануправления фронта, я доложил, вернее, рассказал о своей стажировке. Перед группой начальников и преподавателей училища. При докладе присутствовал и начальник училища. Такие доклады делались и всеми остальными курсантами, кто был на стажировке. Оказалось, что отзыв о моей стажировке был очень положительным. Стажировка курсантов на фронте училищу нужна была для того, чтобы на базе результатов стажировки скорректировать некоторые учебные программы. Особенно это касалось вопросов организации медицинской службы. После доклада начальнику мне предложили написать подробный рапорт о стажировке. Написал. Потом начались доклады о стажировке в каждой роте. Стажировка стажировкой, а учебный процесс-то шел. Пришлось нагонять упущенное. Приходилось догонять не только в часы самоподготовки, но и по ночам. Сейчас, когда прошли годы, трудно себе представить, как за такой короткий срок можно было усвоить такую массу учебного материала. В марте 1943 года меня и еще одного курсанта на партийном собрании батальона приняли в партию. Это была великая честь. Приближался выпуск. На госэкзаменах по всем ведущим предметам присутствовали, кроме преподавателей, и старшие товарищи из управления училища.

Я окончил училище по первому разряду, т. е. красный диплом, с одной хорошей оценкой по латинскому языку, остальные «отлично». На митинге всего состава училища зачитали приказ наркома, вручали погоны. Я получил звание лейтенанта медицинской службы и ценный подарок — медицинский диагностический набор. Приказом начальника училища меня и лейтенанта медицинской службы Пушкарева, как окончивших училище по первому разряду, занесли на доску почета, которая располагалась у знамени училища. На ней уже было около 30 фамилий. Мне предложили остаться в училище курсовым командиром — я отказался. Хотелось на фронт. На следующий день торжественное построение роты. Напутствие начальника училища и команда: «На фронт шагом марш!». Прощальная песня роты. В одном из корпусов на лекции была рота девчат. Общаться с ними было запрещено. Но молодость брала свое. Девчата спонтанно ушли с лекции, выскочили на плац и пошли вместе с нами, несмотря на приказы вернуться на лекцию; уговоры ни к чему не привели. Они сопровождали нас до железнодорожного вокзала. По тротуарам на нашем пути собралось много жителей Омска. Впечатление неизгладимое. Девичья рота была с нами на вокзале до тех пор, пока не отправился наш эшелон. Вагоны пассажирские. Все привыкли к теплушкам. Удивление и повышенное настроение, но, конечно, каждый про себя думал, а что же дальше. Путь до Москвы занял немного времени. Эйфория в связи с окончанием училища постепенно улеглась. Каждый постепенно начал ощущать себя уже в новом качестве, в качестве офицера. Если раньше мы именовались бы «военфельдшер 2 ранга», то теперь — офицер. После столь длительной враждебности к этому слову теперь мы его примеряли к себе.

Москва — резерв ГЛАВМЕДСАНуправления

Нас встретили офицеры из отдела кадров. Распределили по ротам резерва, которые размещались в разных районах г. Москвы. Я с товарищами попал в роту, которая размещалась на ул. Шаболовка, рядом с радиовышкой Коминтерна. Рота состояла из трех взводов. 1-й взвод — врачей. Девушки, окончившие мединституты, проходили переподготовку перед присвоением воинских званий. Занятия у них проходили по военно-полевой хирургии и военным дисциплинам. 2-й взвод — фельдшеры. Мы — выпускники училища фельдшеры, окончившие гражданские медучилища — мужчины. 3-й взвод — медсестры. Девушки, окончившие курсы медсестер, и медсестры из госпиталей, а также немного медсестер, выписанных из госпиталей после ранений. Последние с высокомерием относились ко всем остальным. Были малоуправляемы из-за своей заносчивости. Состав взводов, кроме первого, ежедневно менялся. Одни прибывали, другие получали назначение — убывали.

Через два дня меня вызвали в отдел кадров. После краткой беседы объявили, что я назначаюсь заместителем командира роты резерва по политчасти. На мое замечание, что я мало что в этом

понимаю, что я даже не знаю, с чего начать, мне ответили: «Поживете, научитесь, надо, вы коммунист». Слово «надо» в партии было больше, чем любой приказ. Так я впервые стал новоиспеченным политработником. В роте, особенно первый взвод, мое назначение встретили с безразличием и даже с издевкой. Позже мы нашли общий язык и даже подружились. Перед моим убытием из резерва даже сфотографировались на память. Обязанности замполита оказались простыми. Доставка газет, поручения, что нужно прочитать, организовать культпоход, помочь устроиться вновь прибывшим и прочее. Политзанятия проводили офицеры из отдела кадров. Питание было по 3-й норме: 600 граммов хлеба, утром крапивный суп, в обед пшенный и вечером опять крапивный. После девятой нормы в училище это был полуголод. Июнь, 1943 год, немецкая авиация часто пыталась бомбить Москву. Это был уже не 1941 год, но часть самолетов все же прорывалась через систему ПВО. Поступила команда о дежурстве на крышах для обезвреживания зажигательных бомб. Я предложил ребятам: кто пойдет. Услышал ответ: «Ты замполит, ты и иди». Идти так идти. Я и еще один наш выпускник по пожарной лестнице с лопатами в руках забрались на крышу. Первую ночь обошлось. Вид разрывов зенитных снарядов, прожекторов в небе такой, что где там салютной иллюминации. На вторую ночь пришлось потрудиться. Мы сбросили с крыши четыре зажигалки. Соседнее здание загорелось. Немцы, как мы и предполагали, старались разрушить радиовышку Коминтерна. Радиопередачи на Германию и их армию не давали покоя фашистам. К тому же все готовились к Курской битве. Так мы за несколько налетов сбросили с крыши 9 зажигательных бомб. В одном случае чуть сам не свалился с крыши. Пребывание в резерве тяготило меня. Я обратился к начальнику отдела кадров с просьбой отправить меня на фронт. На вопрос, что в Москве не хотите быть, я ответил, что не хочу. Товарищи ушли, а я уже две недели тут. На следующий день вызов в отдел кадров меня и лейтенанта медицинской службы Боженко Петра. Получили предписание убыть в г. Краснозаводск — Подмосковье, в 28-й танковый полк. Меня на должность старшего фельдшера, Боженко П. на должность фельдшера. На следующее утро отправились на перекладных. Доехали до Загорска (Сергиев Посад). Зашли в обитель. Пустынно. Впечатление такое, что на тебя что-то давит. Во всем какая-то строгость. Пробыли там недолго. Надо добираться до места. В лесу около Краснозаводска располагался полк.

В полку

В июне 1943 года в Подмосковье формировалась 4-я танковая армия в составе трех корпусов: 6-й гвардейский механизированный корпус, 30-й добровольческий Уральский корпус и 11-й механизированный корпус. Штаб 6-го гвардейского механизированного корпуса находился в г. Краснозаводске. 6-й гвардейский ордена Красного Знамени механизированный корпус развертывался на базе 3-й гвардейской механизированной дивизии. Дивизия участвовала в боях на Халхин-Голе в Монголии, как 82-я стрелковая дивизия. Отличилась и была награждена орденом Красного Знамени. В 1941 году ускоренным маршем по железной дороге прибыла под Москву. Вступила с ходу в бой под Можайском и отбросила немцев на 18 км на запад. За бои под Москвой дивизия получила звание 3-й гвардейской. Вот на базе этой прославленной дивизии и развертывался 6-й гвардейский ордена Красного Знамени механизированный корпус. Каждый полк дивизии преобразовывался в механизированную бригаду. Так образовалась 16-я гвардейская ордена Красного Знамени механизированная бригада. 28-й танковый полк, а с марта 1945 г. 114-й гвардейский Львовско-Пражский танковый полк, в котором прошла моя боевая юность, был сформирован в октябре 1942 года и направлен на Северо-Западный фронт. Командир полка — подполковник Артемьев, заместитель командира полка по политчасти — майор Коваленко. Если бои на Северо-Западном фронте отличались своей сложностью из-за лесисто-болотистой местности, то бои под Старой Руссой были особенно тяжелыми. Немцы захватили плацдарм в районе Демянска и угрожали с него как в северном, так и в южном направлениях. Наше командование неоднократно пыталось ликвидировать плацдарм. Только зимой 1942/43 г. этот плацдарм был ликвидирован. В этих боях принимал активное участие и 28-й танковый полк. Особенно тяжелые бои развернулись около фанерного завода. Приходилось делать гати для танков. В той болотистой местности танкисты полка в боях проявили исключительную самоотверженность и героизм. В боях отличились капитан Ходорыч, старшие лейтенанты Мосягин, Меркулов, капитаны Увин, Можяев, старший сержант

Чубаркин, сержант Зайцев и многие другие. Все они были награждены орденами и медалями. Весной 1943 года полк был выведен на переформирование в Подмоскowie. В июне 1943 года был включен в состав 16-й гвардейской Краснознаменной механизированной бригады. В составе полка были такие подразделения:

- три танковые роты по 10 танков в каждой;
- рота автоматчиков;
- рота ПТР (противотанковых ружей);
- рота управления — самая большая рота;
- взвод разведки;
- отделение танковой разведки, три танка;
- отделение разведки на БТР;
- отделение пешей разведки;
- взвод связи:
- отделение радиосвязи;
- отделение проводной связи;
- саперный взвод;
- комендантский взвод — в него, кроме автоматчиков, входили танк командира полка и танк начальника штаба;
- РТО (рота технического обеспечения);
- взвод ремонта моторной группы;
- взвод ремонта вооружения;
- взвод ремонта колесных машин;
- хозяйственная часть;
- продовольственная служба;
- обозно-вещевая служба;
- складская служба;
- санитарная часть.

Общая численность личного состава около 500 человек.

В штабе корпуса нам указали, где полк. Прибыв в полк, представились начальнику штаба полка капитану Ходоричу. Он очень обрадовался пополнению. В санчасти полка был только старший врач, санинструктор и санитар. Старший фельдшер под Старой Руссой погиб, а фельдшер был ранен. Началась полоса представления командованию полка. Командир полка подполковник Артемьев. После представления, что прибыли в полк на должности (мы с Боженко пошли к командиру полка вместе), подполковник посмотрел на нас и произнес одно слово: «Идите». Вышли с палатки как оплеванные. Боженко, как бы про себя, сказал, что он чокнутый. Впоследствии я уяснил, что его в полку не любили. В противоположность командиру полка был заместитель командира полка по строевой части подполковник Григорьев. Усадил. Расспросил, кто, откуда, коротенько рассказал о людях полка и на что в первую очередь надо обратить внимание всем медицинским работникам полка. Вышли от него с таким впечатлением, будто побывали на беседе у отца. Был он

исключительным человеком. Высокоэрудированный, грамотный не только в военном деле. В полку его звали батей. Он в полной мере отвечал этому имени. У заместителя командира полка по политчасти майора Коваленко была непродолжительная беседа. Представления начальству закончились.

Для санчасти было развернуто две палатки. В одной типа амбулатории, там принимали больных, и вторая для жилья личного состава. Старший врач полка капитан медицинской службы Гиляшев появился через пару дней. У него были родственники в Москве, и он много времени проводил там. Познакомились. Сказал, что нужно делать, где что нужно получить, и убыл в Москву. В общем, в полк он наведывался редко. Штаб санчасти состоял: один врач, должность именовалась — врач полка «старший». Почему «старший», было непонятно. Когда несколько врачей, тогда понятно, а когда он один, подходило больше без имени «старший». Два фельдшера: старший фельдшер и фельдшер. Два санитарных инструктора и четыре медсестры. Два санитаря и два шофера. Из техники две автомашины. Одна специальная санитарная на базе «полторки», а вторая трехтонка — «ЗИС», соответственно с тентом и приспособлениями, самими придуманными. Санинструктор старшина Григорьев был за старшину и возглавлял все хозяйство. Началась повседневная жизнь. Лейтенант медицинской службы Боженко занимался медицинской частью. Окончил медтехникум, так некоторое время назывались фельдшерско-акушерские училища, уже имел опыт работы. Я занимался организационными вопросами. Одно из главных на первых порах было пополнение медимуществом. Нужно было получить комплект медикаментов, так называли Б-1 и Б-2. перевязочный материал для санчасти и индивидуальные пакеты для личного состава, оборудование для амбулаторного приема и наборы хирургических инструментов, мобилизационные средства (шины) и многое другое. Впервые столкнулся с бумажной волокитой. На каждой заявке нужно было иметь несколько резолюций. В течение недели мотался, но получил все. Теперь близкое знакомство с личным составом. Проводили занятия по медицинской подготовке. Главное — оказание самопомощи и взаимопомощи при ранениях и при ожогах. Занятия проводили мы с Боженко и санинструкторы. В ротах автоматчиков, БТР, управления, РТО были в штатах санинструктора или медсестры. Занятия пользовались популярностью у личного состава. Знакомство с личным составом продолжалось путем встреч, бесед и прочее. Особенность работы санчасти еще состояла и в том, что получившие в боях ранения, особенно танкисты, уходили из госпиталей еще с незакрытыми ранами и долечивались в санчасти полка. Уже на этой стадии службы я оценил учебу в училище, особенно практическую.

В училище на занятиях по огневой подготовке нас настраивали на то, чтобы мы в совершенстве освоили все, что будет на вооружении части. Кроме сугубо медико-санитарной работы, я начал осваивать танк, особенно танковое вооружение. Обязанности заряжающего и командира танка. Дело дошло до того, что мне разрешили на стрельбище стрелять в роли командира танка.

Хочу поведать и о своем первом взыскании. В полк прибыла с курсов медсестра Шпер Светлана Исааковна. Ее определили в роту противотанковых ружей, но размещалась в санчасти. Экипировали ее, в том числе и выдали пистолет. Она за палаткой санчасти к стволу сосны прикрепила лист бумаги и начала стрелять. Дежурный по полку быстро среагировал на стрельбу в расположении части. Разобрался. Стрельбу запретил. Доложил начальнику штаба капитану Ходоричу о ЧП. Меня вызвали в штаб, где не только прочитали нотацию о том, что надо требовать соблюдения дисциплины от своих подчиненных, но и начальник штаба капитан Ходорич объявил мне устный выговор. Взыскание небольшое, но это первое взыскание за действие подчиненных. Впоследствии за период службы было немало взысканий за проступки подчиненных, но это было первым, поэтому и запечатлелось в памяти. Пистолет, конечно, я у медсестры отобрал.

Начало поступать пополнение. Получили танки с экипажами. В связи с тем, что немцы в массовом порядке стали применять танки Т-VI — «Тигр», а наши танки «Т-34» с 76-мм пушкой их не брали, выход был найден в том, что на каждый танк выдали по 10 подкалиберных снарядов. Это снаряд кумулятивного действия, он буквально прожигал броню. Но беда была в том, что снаряд легкий по весу, и прямой выстрел был равен 400 м. На этом расстоянии «Тигры» поражались. Но подойти к

«Тигру» на 400 м было практически невозможно. Его снаряд пробивал броню «Т-34» больше чем за километр. Выход нашли. Из противотанкового ружья разбивали гусеницу танка. Танк по инерции разворачивался и подставлял борт. Бортовая броня была намного меньше лобовой, и «Тигр» поражался. Этот прием интенсивно отработывался. Шло сколачивание подразделений. Комплектование заново экипажей. Комплектовали экипажи так, чтобы в экипаже был 1-2 человека уже побывавшие в боях. На одном из занятий командир взвода лейтенант Кичичин тренировал взвод занимать места в танке и покидать его. Засекал время. Я спросил: в чем суть занятия? Он рассмеялся и объяснил, что, когда танк горит или подбит и вот-вот взорвется боекомплект (снаряды), надо быстро покинуть танк. Если будет небольшая задержка — сгоришь, поэтому умение быстро покидать танк надо доводить до автоматизма. Необходимость таких занятий я оценил в первых же боях. Мое стремление освоить танковые специальности не прошло незамеченным заместителем командира полка подполковником Григорьевым. Я уже писал, что мне разрешили отстрел упражнения из танка. На полигоне, около села Константиновки, проводили стрельбы. Подполковник Григорьев сперва разрешил мне быть заряжающим у лейтенанта Ходжаяна А.А., а потом я — командир танка, а лейтенант Ходжаян заряжающим. Стрельба прошла удачно. Офицеры посмеивались надо мной, мол, как дела, «медицинский танкист». Шутки, конечно, носили дружеский характер. К занятиям по санитарной подготовке танкисты относились серьезно. Методы самопомощи и взаимопомощи отработывались на занятиях. Как пользоваться перевязочным пакетом, как наложить повязку. Все это опробовали друг на друге. Занятия проводили, кроме нас, фельдшеров, санинструкторы и медсестры в ротах. Отношение личного состава полка к медработникам было исключительно уважительным. Врач полка капитан медицинской службы Гиляшев продолжал большую часть времени проводить в Москве, так что вся организационная, санитарная и лечебная нагрузка ложилась на нас. Поступил приказ об экипировке личного состава. Мы раздавали индивидуальные перевязочные пакеты и тут же по ходу еще раз инструктировали, как ими пользоваться. Начальник химической службы полка раздавал противогазы. Индивидуальные противохимические пакеты на руки не выдавали. Противогазы никто не носил. У танкистов они только место в танках занимали. У нас они были сложены в санитарной машине.

Орловская операция

Ждали приказа на марш. Он поступил 19 июня. Технику на гусеничном ходу погрузили в эшелоны, а колесные машины отправились своим ходом. Марш прошел без происшествий. Армия была включена в состав Западного фронта. Сосредоточились в районе г. Старый Оскол на угрожаемом участке возможного прорыва немцев.

Началась великая Курская битва. Мы в боях не участвовали. 9 июля приказ о совершении марша под г. Болхов. Это уже Брянский фронт. Наступление немцев на Курской дуге провалилось. 12 июля под Болховом полк с ходу вступил в бой. У немцев была подготовленная оборона. Огневые средства противника артиллерия полностью подавить не смогла. Танки пошли в атаку. Несмотря на ожесточенное сопротивление немцев, их оборона была прорвана. Танкисты вместе с мотострелками бригады форсировали реку Орс. Продвижение давалось тяжело. Появились первые потери. Первые раненые. Вот тут-то мне пригодился опыт стажировки под Сталинградом. Главное, вовремя оказать помощь раненым. 13 июля был ранен в голову старший врач капитан медицинской службы Гиляшев. Я его отвез в медсанбат. По дороге он меня инструктировал, что нужно делать и как. У меня тогда невольно возникла мысль: было бы куда лучше, если бы подобное наставление было сделано, когда мы были на формировке. Вернувшись в полк, доложил о ранении капитана медицинской службы Гиляшева. Командир полка сказал, обращаясь ко мне: ты старший в санчасти, вот и исполняй обязанности старшего врача. Так я оказался в роли главного полкового лекаря. Вскоре у меня состоялась беседа с начальником медсанслужбы бригады майором медицинской службы Складенко, который сказал, что в ближайшее время врача не пришлют, поэтому надо справиться с обязанностями старшего врача. Рассказал, что и как надо делать. Потолковали мы с Боженко, мы обращались друг другу по имени, и решили, как нам действовать:

1. Полковой медпункт в полном объеме развернуть мы не сможем, это нереально.

2. Разворачиваем походный медпункт. В нем Боженко, две медицинские сестры и санитар.
3. Я, старшина Голубев, санитар рядовой Беседа и ротные санинструкторы оказываем помощь на месте ранений и эвакуируем тяжелораненых.
4. Оповещать всех, где расположены медпункт полка, медсанчасть бригады и медсанбат.
5. Главное, эвакуация раненых так, чтобы не позднее 1,5-2 часов раненые были доставлены или в медсанроту, или в медсанбат.
6. Всем раненым, кто может самостоятельно добраться до медпункта, Боженко оказывает помощь, выписывает карточку раненого и отправляет в тыл. Почему мы взяли за основу 1,5-2 часа. При полостных ранениях, это ранения в грудь, живот, голову, если квалифицированная помощь не будет оказана через 2 часа после ранения, то человек, как правило, погибает. Этого правила мы придерживались во время всей Орловской операции. За это впоследствии меня называли «медицинским извозчиком». До боя за село Дулебино потери были небольшие. Бой же за село Дулебино принес нам большие потери. Полк вместе с батальоном мотострелков сосредоточился на хуторе Дулебинский, это километрах в трех от села Дулебино. На хуторе в одном из блиндажей мы организовали медпункт. Выставили дощечку с красным крестом. Хутор непрерывно обстреливался вражеской артиллерией и минометами. Здесь проявилась неразбериха и нерешительность командования. То давалась команда «по машинам», и мотострелки садились на танки десантом. Через 10-15 минут — «отставить». На танках мотострелки беззащитны от минометного огня. Через некоторое время опять команда «по машинам». «Приготовиться к атаке» — и через 15-20 минут «отставить». Минометный огонь в полном смысле слова накрывал хутор. При очередной команде «по машинам», в танк, на котором налепились мотострелки, попала мина. Сразу потери 12 человек. Мы не успевали перевязывать. Боженко с медсестрой перевязывали, а я организовывал эвакуацию. В автомашине, которая привезла боеприпасы, погиб шофер. Сколько набилось в машину раненых, не считал. Сам сел за руль. Мотор работал. Отвез в медсанбат, примерно за 3 км. Наконец-то команда «в атаку». Это после того, как пробыли под обстрелом около трех часов. За эти три часа потерь среди танкистов не было. Среди мотострелков потери были большие. Мы оказывали помощь, не разбирая, свои это или чужие. Недалеко от нашего медпункта разорвалась мина, и осколком автоматчику почти оторвало ногу. Я прибежал на крик. Сильное кровотечение, наложил жгут. Нога держалась на сухожилиях. Отрезал. Это моя первая ампутация. Хотя ампутацию-то сделала мина. На своей санитарке отправил в медсанбат. Наши санитарные машины стояли метров за 500 в лощине. Наконец-то в атаку пошли танки полка. Подбит один, загорелся второй, остановился третий. Я с Голубевым то к одному горящему танку, то к другому, перевязывали, оттащивали от танка раненых. Помогли экипажу вытащить через передний люк раненого механика, оттащили от танка метров на 15-20. В танке взорвалась боеукладка (боекомплект). Танк развалило, а башня весом около 9 тонн пролетела метров на десять. Это единственный случай, когда на моих глазах разрывало танк. Лейтенанта Писарева — командира танка, обгоревшего, с несколькими ранами спасти не удалось, умер на руках. Атака захлебнулась. Отошли на исходное положение. Полк в этой атаке потерял семь танков. Немцы на звонницу церкви затащили пушку и из нее прямой наводкой поражали наши танки. Раненых, обожженных было много. Машинами не успевали эвакуировать. На одном из танков оторвало снарядом часть ствола. Его нужно было отправить в тыл, т. е. в СПАМ (сборный пункт аварийных машин). Несмотря на сопротивление командира взвода ремонтников, я на танк посадил, положил 13 человек раненых, сам сел на шаровую установку (место, где отверстие для лобового пулемета) — и в медсанбат. Там даже был переполох. Танк на скорости идет прямо на медсанбат. Этот эпизод послужил причиной того, что на итоговом совещании медработников меня называли медицинским извозчиком, конечно, не как положительный пример. Вместо квалифицированной помощи — эвакуация. Но я считал, что это был наиболее правильный выход. Вернемся к бою за Дулебино. Через пару часов атаку повторили, но перед этим артиллеристы разрушили колокольню и подавили огневые точки, выявленные в период предыдущей атаки. Подошли самоходно-артиллерийские установки (САУ-152). Их огонь тяжелыми 152-мм снарядами окончательно разрушил систему огня противника. Вновь атака. Она была успешной. Село заняли. Немцы, отступая,

продолжали сопротивляться. В бою за село Дулебино отличился экипаж танка: командир лейтенант Гусев, механик-водитель Крохмалев А.П., наводчик сержант Логунов Н., радист Седов Г.М. Они уничтожили два орудия, подбили бронетранспортер и сожгли две автомашины. Их танк подбили. Все они получили ранения. После лечения в госпиталях все они вернулись в полк. В этом бою были ранены лейтенанты командиры танков Марков, Барабанов, Ходжаян, сержанты Балакирев, Седов, Бессалов, рядовой Сердюков (из Барнаула) и др.

Когда стемнело, все медики, а с нами и танкисты с подбитых танков, пошли и прочесали, на всякий случай, поле боя. Оказалось, не зря. Нашли, оказали помощь двум танкистам из танкосамоходного полка. На другой день не менее ожесточенные бои разгорелись за село Озерки и совхоз им. Калинина. Потери среди танкистов были небольшие. Противник непрерывно атаковал днем. Под вечер фашисты поджигали села и уходили на заранее подготовленные для обороны позиции. Так выбивали немцев с каждого села. Если ночью за передним краем зарево пожаров, значит, немцы покидают село. Орловщина горела. Когда мы входили в села, оставленные фашистами, в них оставались лишь печные трубы. Фашисты угоняли людей. Кого не смогли угнать — расстреливали. И все же в селах сохранялась жизнь. После того как мы освобождали села, жители, кто уцелел, словно из-под земли появлялись. Прятались кто где мог. Немало времени и средств приходилось тратить на оказание медицинской помощи оставшимся в живых людям в освобожденных селах.

В начале августа получили приказ сдать позиции подошедшей пехоте и перебазироваться в другой район. Совершили марш километров 50 и сосредоточились недалеко от села Ильинское. Вступили в бой. Противник, как и в предыдущих боях, оказывал упорное сопротивление. Общая задача была прежняя: перерезать железную дорогу Орел — Брянск, не допустить планомерного отхода войск противника. После того как немцы вынуждены были оставить Орел, они стремились не допустить окончательного разгрома своих сил. На путь нашего наступления подбрасывали все новые и новые силы. Только в селе Ильинском у немцев было 40 танков. Появились и части эсэсовцев. Вновь приходилось прогрызать оборону противника. Особенно тяжелый бой был под селом Берилово. Было проведено три танковых атаки. Даже занимали первую и вторую траншеи. Немцы контратаками заставляли нас отходить на исходные позиции. Было много раненых у танкистов и у мотострелков бригады. Оказывали помощь, как и в предыдущих боях, непосредственно на поле боя. Жаль, что фамилии многих героически сражавшихся с врагом в памяти стерлись. Но об одном случае помощи раненому в бою под селом Берилово расскажу позднее. На следующий день, после удачного артиллерийского огня по позициям немцев, стремительная атака танков с десантом увенчалась успехом. Удача улыбнулась танкистам и роте противотанковых ружей. Подбили 6 танков и 5 бронетранспортеров, а сколько противник поверял солдат, никто не считал. Пленных взяли 57 человек. Правда, за людей мы их не считали, после тех зверств, которые они учиняли на Орловщине. На реке Нугрь у села Зуевское столкнулись с очередной полосой обороны противника. В первой половине 7 августа атаку предприняли мотострелки бригады без танков. В полку ждали с часу на час подхода отремонтированных ранее подбитых танков. Во второй половине дня очередная атака уже с

танками. Немцы отчаянно сопротивлялись. После того как танкисты и мотострелки заняли первую и вторую траншеи, немцы крупными силами на бронетранспортерах контратаковали. Танкисты и пэтээровцы стали подбивать один бронетранспортер за другим. Всего было подбито девять бронетранспортеров. Оставшись без броневого прикрытия, немцы откатились назад. В этом бою понесла потери рота противотанковых ружей. Тяжело был ранен командир роты, старший лейтенант Александров, выбыли из строя из-за ранений командиры взводов и немало рядовых. В этом бою отличилась санинструктор роты рядовая Шпер С.И. Она не только оказывала помощь раненым, но и вытащила с поля боя тяжело раненного командира роты. И откуда брались силы у этой хрупкой девушки? Под натиском наших сил враг был вынужден отходить. 8 августа прорвана оборона противника и на реке Орлица. С ходу было освобождено большое село Мощеное. Враг так поспешно отступил, что не успел поджечь дома в селе. После освобождения села полк приводил себя в порядок, заправлялся горючим, боеприпасами, и наконец-то хозяйственники попотчевали нас горячей пищей. Что случилось под с. Мощеное, я расскажу позже. До выполнения поставленной задачи оставалось совсем немного пройти. Бои не утихали. Буквально приходилось отвоевывать каждое село, каждую позицию. Об одной из них я расскажу особо. Теперь остановлюсь на эпизодах, которые наиболее всего врезались в память в период Орловской операции.

Эпизод первый. Танковая армия в Орловской операции выполняла не свойственную ей роль. Мы прогрызали оборону противника. В бою за село Берилово наши атаки не увенчались успехом. В конце дня мы отошли на исходные позиции. У танкистов был неписаный закон — идти на выручку друг к другу. Замечали, если подбили соседнюю машину, выпрыгнул ли экипаж. После боя уясняли по каждому экипажу, кто погиб, кто ранен. Из экипажа лейтенанта Маркова никого не было. Танкисты же видели, что из подбитого танка экипаж выскакивал. Вывод: возможно, среди них есть раненые. Ко мне обратились танкисты с вопросом, что делать, и с предложением сходить в тыл к немцам и все уяснить. Танк лейтенанта Маркова был подбит за 2-й траншеей немцев. Сам я ничего решить не мог. Целой гурьбой пошли в штаб полка. Я доложил начальнику штаба капитану Ходоричу о сути просьбы танкистов. Он пригласил командира танка, который видел, что экипаж покидал танк. Точно уяснили место подбитого танка. Начальник штаба некоторое время сомневался. Говорил: «Узнать, что с экипажем, узнаем, а скольких из-за этого можем потерять людей». Решающую роль сыграла его душа танкиста. Разрешил. Местность мы знали. На этой местности провели две неудачные атаки. Тем не менее распланировали все до мелочей. Пошли я, командир танка младший лейтенант, к сожалению, не смогу я вспомнить его фамилию, и два разведчика из полкового взвода разведки с опытом ведения разведки. Первую траншею немцев прошли удачно. Немцы были в блиндажах, а по траншее патрулировал часовой. В момент, когда он прошел мимо нас (мы около траншеи затаились), перебрались через траншею. Вторая траншея вообще не была противником занята. Немцы еще вели себя беспечно до нахальства. Нашли танк и разошлись по сторонам. Обнаружили рядом с танком трех погибших. Забрали документы у них. Разведчик просигналил «ко мне». Он в воронке, метрах в 10-15 от танка, нашел раненого лейтенанта Маркова, который был без сознания. Я на быструю руку перевязал. Раненого на плащ-палатку — и назад. 2-ю траншею прошли спокойно.

Перебраться через первую спокойно не удалось. Так же дождались, когда отойдет часовой. Начали перетаскивать раненого через траншею. В это время лейтенант Марков застонал. Через траншею его все же перетаскивали. Немец-часовой, наверно, почувствовал что-то неладное и дал очередь из автомата. Сержант-разведчик дал нам с младшим лейтенантом команду: «Тащите! Мы прикроем!». Было уже не до маскировки. Мы старались из всех сил как можно дальше удалиться от траншеи немцев. Немцы всполошились. Началась стрельба, к счастью, беспорядочная. Нам повезло в том, что немцы с запозданием стали пускать осветительные ракеты. Это нас спасло. Наши открыли огонь на флангах от нас, чтобы сбить немцев с панталыку. Это удалось. Этот вариант был предусмотрен майором Ходоричем. На нейтральной полосе нас уже поджидали. Забрали у нас лейтенанта Маркова. Разведчики тоже вернулись. Один был легко ранен. Пока мы не вернулись, весь полк был на ногах, и мотострелки, которые действовали с нами, Боженко занялся раненым и его эвакуацией. Я подробно доложил командиру полка, который был очень недоволен нашей вылазкой. Моральное

состояние, после этого хождения в тыл к немцам, было настолько высоким, что никакими политзанятиями, беседами достичь такого результата было бы невозможно. Каждый внутри себя уяснил, что в трудную минуту никто брошен не будет. Начальник штаба капитан Ходорыч, разрешая вылазку, как раз на это и надеялся. И, конечно, авторитет медиков неизмеримо возрос. Под Киевом, на станции Ворзель, мы получали пополнение танков с экипажами. Какая была радость, когда в числе прибывших был и лейтенант Марков.

При выписке из госпиталей раненых танкистов нашей армии направляли в г. Нижний Тагил, где располагался учебно-запасной танковый полк нашей армии. Поэтому даже тяжелораненые танкисты при выписке из госпиталей после излечения попадали к нам, в 4-ю танковую армию.

Эпизод второй. В селе, недалеко от села Малая Чернь, остановилась наша санчасть. Несколько домов были сожжены, торчали только печные трубы. Бросилось в глаза то, что у большого пятистенного дома на дереве был повешен человек. На улице жителей почти не было. Расспросили. Оказалось, дом принадлежал старосте села. Служил немцам. Зверствовал над сельчанами, вот они его и повесили. К нам подошел старик с просьбой помочь похоронить его семью. Мы сразу откликнулись. На вопрос: «Где ваши?» показал на колодец. Колодец старый, заброшенный. Чтобы спуститься туда, нужна веревка или трос. Танкисты полка сосредоточились примерно на километр впереди. У нас веревки не было. Водитель нашей машины побежал к танкистам и вернулся с веревкой и двумя танкистами. Спустился в колодец и вытащили четыре трупа. Две взрослые женщины, мать и дочь, девочка-подросток и маленькая, примерно 3-4 лет, девочка с белокурыми курчавенькими волосиками. Произошло следующее. Фашисты начали насиловать девочку, ей 14-15 лет. Мать и бабашка вступились. Разъяренные фашисты застрелили двух женщин и девушку, а маленькая девочка сильно плакала. Они и ее застрелили. Подожгли дом. Дед был в подвале. Поэтому спасся. Похоронили у сгоревшего дома. На похороны собралось много сельчан. Кто принес доски, кто гвозди и др. Похоронили в двух гробах. В полку этот случай обсуждали. Конечно, ненависть к фашистам удесят�ерилась. Фашист и зверь — синонимы, их надо уничтожать. Таков был итог всех обсуждений. Заместитель по политчасти майор Коваленко мне говорил, что мы очень правильно поступили, похоронив погибших. Да, это был яркий пример того, как ведут себя фашисты на нашей земле.

Эпизод третий. Полк сосредоточился для очередной атаки. Я уже говорил, что мы буквально прогрызали оборону противника. Немцы упорно сопротивлялись днем, а ночью поджигали и отступали на заранее подготовленные позиции. В занятых у немцев траншеях были наши мотострелки. Батальон из нашей бригады. Танкисты располагались метрах за 800 сзади от пехоты. Я пошел в траншею на передний край. Добирался по ходам сообщения, по отсечным траншеям. Шел с целью подобрать блиндаж, где бы мог разместиться медпункт при наступлении. Меня всегда сопровождал ординарец — Коля Петров, 18-летний паренек. Его мне дали из роты автоматчиков. По

штату мне ординарец положен не был. Попали под бомбежку. Немецкие «Ю-87» пикировали с таким жутким воем, что очень сильно давило на психику. Кроме бомб, сбрасывали пустые бочки, обрезки рельс и др. Все это создавало невероятный шум. Одна из тяжелых бомб разорвалась недалеко. Меня засыпало. Я очнулся, когда Коля приводил меня в чувство. Оказалось, он находился метрах в 15 от меня. Его тоже засыпало, но немного. Он откопался и откопал меня. Я был без сознания. Я очнулся тогда, когда он колдовал надо мной. Ввалил меня на плечи и отнес в ближайшую санчасть. Меня там осмотрели. На затылке слева ранка. Обработали. Вкололи морфий. Я спал. Коля будил меня для того, чтоб я поел. Ребята с батальонного медпункта (нашей бригады) почему-то не сообщили в полк. Несколько дней я у них спал. Морфий делал свое дело. Из полка кто-то видел, как меня засыпало, и сообщили в штаб. Писари постарались и отправили извещение на Родину о том, что погиб смертью храбрых. В народе такие извещения окрестили похоронками. Пришли мы в полк. Там великое удивление, ведь они меня похоронили. Потом был смех. Заместитель по политчасти сказал: «Ничего. Будешь жить долго». Ссадина на затылке заросла. Шрам-рубец остался. Через много лет потребовалось сделать рентген черепа. Обнаружилось, что был перелом левой теменной кости. Это оказалось мое первое ранение.

В 1985 году на встрече ветеранов 4-й танковой армии в честь 40-летия Победы мы с Колей Петровым встретились. Радость и слезы. Воспоминания. Он после демобилизации обосновался в Средней Азии. Мы долго переписывались. Развал СССР прекратил нашу переписку.

Эпизод четвертый. После освобождения одного из больших сел, кажется Мощное, полк сосредоточился на окраине села, на скошенном пшеничном поле. Хлеб был собран в копны. Танки и наши санмашины замаскировали снопами пшеницы. На первый взгляд все нормально. То же поле и те же копны. Немецкие самолеты внесли свои коррективы. После первой бомбежки от взрывных волн все снопы разлетелись, и наши танки стали голенькими, т. е. открытыми мишенями. Бомбежка длилась с 8 утра до пяти вечера с перерывом с 12 до часу дня. Как потом выяснилось, мы испытали на себе 1,5 тысячи самолето-вылетов. Одна волна самолетов уходила, другая заходила. Пережить бомбежку самое безопасное — это в танке. Я тоже забрался в танк, но после следующей серии бомб выскочил из танка и скорее в щель. В щели уже было трое. Практически мы были друг на друге. В одном из перерывов — одни самолеты отбомбились, другая волна была на подходе — перебрался в кювет у грунтовой дороги. Ощущение жуткое. Бомбу видно, как она летит, и кажется, что это твоя. В танке выдержать бомбежку трудно, потому что закрытое пространство, осколки бомб, ударяя о броню, создают в танке искры от окалины. Они как шмели, танк качает, как на волнах. Танкисты часто прячутся под танк. Это было серьезной ошибкой. Осколки, пробивая катки или попадая между катков, поражают сразу людей или, ударяясь о днище, поражают рикошетом. Санитарные машины тоже были взрывами освобождены от маскировки. Недалеко от специализированной нашей санитарки разорвалась бомба. Машина разлетелась, как карточный домик. Но удивительно, в машине лежал на носилках тяжелораненый. Его не эвакуировали потому, что медсанбат передислоцировался, и мы пока не знали, где он. Раненый вместе с носилками был выброшен. Но не получил ни одной дополнительной царапины. Бывают чудеса. В санитарке было почти все наше медимущество. Все погибло. Когда узнали, где медсанбат, пришлось ехать и выколачивать все необходимое. Медицинские снабженцы, как и все снабженцы, когда что-то выдают, то впечатление такое, что ты залазишь к ним в карман. Тут нужна напористость и нахрапистость. На удивление, ни один танк не был выведен из строя. Вообще-то прямое попадание бомбы в танк явление чересчур редкое. Я такого случая в полку не помню. Среди танкистов было несколько раненых, и все. Ранения под танками. Впоследствии на это явление (ранения под танками) мы обращали внимание на медицинских занятиях.

Эпизод пятый. Недалеко от станции Хотинец мы были вынуждены задержаться. Приказ же гласил, как можно быстрее перерезать железную дорогу Орел — Брянск. Немцы на небольшой высоте укрепились. Закопали танк и установили орудия. Попытка сбить противника с ходу успеха не имела. Танки отвели на расстояние, недостижимое для прямого выстрела немецких танков и орудий. Вперед выдвинулись рота автоматчиков, рота ПТР и мотострелки. Атака не удалась. Потери были большие.

Сообщения поступали о большом количестве раненых. Эвакуировано же было немного. Я пошел в роты разобраться и организовать эвакуацию раненых. Раненых действительно было много. Находились в нескольких бывших немецких блиндажах.

Легкораненые не уходили самостоятельно потому, что не знали расположения медпунктов. Оказалось, что офицеры этой информацией располагали, но не довели до всего личного состава. Санинструкторы и медсестры тоже оказались не на высоте. Легкораненых отправил. Они добирались самостоятельно. Для тяжелораненых вызвал машину. Остановилась она не так далеко. Боженко, Кузнецов и Беседа с помощью автоматчиков стали переносить раненых к машине. Машине потребовалось сделать не один рейс. Командовали ротами раненые офицеры. Я их тоже отправил с другими ранеными. Получилось так, что роты остались без офицеров. Командовали сержанты. Командиры рот просто не докладывали о своих ранениях. Телефонный звонок сверху. Требовали к телефону кого-либо из офицеров. Звонил начальник штаба бригады подполковник Щербак. Так как строевых офицеров не было, телефонист позвал меня. Для меня и сейчас не понятно, как получилось, что начальник штаба бригады через голову командования полка связался непосредственно с передним краем. Возможно, потому, что с нами вместе были и мотострелки. В резком тоне, с угрозами требовал опрокинуть немцев. Я пытался доложить, что я доктор. Мало смыслю. Ругань и опять угрозы, и положил трубку. Так как угрозы частенько исполнялись, мне стало не по себе. Доложил в штаб полка. Заместитель начальника штаба старший лейтенант Меркулов ответил: «Ты получил приказ, вот и выполняй». Надо было что-то делать. Собрал в землянку младших командиров, старых солдат, личный состав больше десятка человек. Сколько, точно не считал, и объяснил суть дела. Откровенно сказал, как выполнить этот приказ, я не знаю, давайте думать вместе. Такая постановка вопроса для присутствующих была неожиданна. Через пару минут молчания начались высказывания. Предложения встречали возражения, даже споры, перепалки. Я пока помалкивал. Наконец пришли к наиболее выгодному варианту. Ночью, перед рассветом, снять без шума часовых и опять же тихо с флангов добраться до немцев. Все получилось. Я уже говорил, что немцы продолжали быть самоуверенными и беспечными. Ночью положено спать. Завязалась драка уже на позиции немцев. У немцев паника, и они побежали. Наши солдаты сразу же развернули в сторону немцев пушки и башню танка. Наши потери были небольшие. Несколько раненых. Заняли позиции для обороны. Я доложил в штаб полка и просил как можно скорее прислать помощь. Немцы могли вот-вот перейти в контратаку. Возглавить подразделения пришел заместитель начальника штаба Меркулов. По его поведению я понял, что он не среагировал на мой доклад о получении приказа Щербака и получил хорошую взбучку. Доклады об этом бое пошли по инстанции. С большим удивлением узнавали, что бой выигран под командованием доктора. Так я невольно стал известен старшим начальникам. Для себя сделал вывод: надо не пренебрегать советами младших. Это осталось на всю жизнь. С утра наши части пошли вперед. Немцы всякими путями старались задержать наше движение вперед. Но полк с десантом мотострелков выбил немцев со станции Шахово. Поставленная задача была выполнена. Железная дорога перерезана. Бросилось в глаза то, что железнодорожные рельсы через каждые 25-30 метров были взорваны. Еще не полностью выветрился запах взрывчатки. Боевых эпизодов было множество. Обо всех не расскажешь и все не опишешь. Орловская операция подходила к концу. Освобождено от врага много населенных пунктов. От многих деревень остались головешки после пожаров и печные трубы, как памятники. Если на немецкой стороне зарево, то это говорило о том, что немцы жгут селения и отступают. Освобожден г. Орел. Первая благодарность Верховного Главнокомандующего и первый салют освободителям Орла и Белгорода. В их числе и мы — наша 4-я танковая армия. У нас в полку осталось мало сил и средств. Не только у нас. В других частях такая же картина. 4-я танковая армия была выведена на переформирование. Нашему полку было отведено место дислокации на опушке брянского леса, около трех километров от села Песочное и в семи километрах от г. Карачева. О Карачеве надо сказать несколько слов. Ни одного дома не разрушенного не было. Руины. В Карачеве действовали специальные подразделения подрывников и поджигателей. Карачевский метод они использовали на протяжении оставшихся лет войны.

Итак, в Орловской операции полк был без врача, но медработники со своей задачей вполне справились. Об этом заявил командир полка на совещании офицерского состава, когда давал характеристику подразделениям и службам полка в период прошедших боев. Авторитет медработников полка был высокий. Лейтенант медицинской службы Боженко, старшина Голубев, санитар рядовой Беседа, медсестра Шпер были награждены. Первые трое — медалями «За отвагу», а Шпер — медалью «За боевые заслуги». Награжден медалью «За отвагу» и я. Позже я получал награды не раз, но медаль «За отвагу» самая ценная. Итоги боев подводились на всех уровнях. На счету подразделений полка много уничтоженных танков, бронетранспортеров, орудий, дотов и живой силы противника.

Итоги работы медицинских служб частей и подразделений подводил начальник медицинской службы корпуса. В целом была дана высокая оценка. Однако в выступлении командира медсанбата в мой адрес было высказано несколько нелестных слов. Он назвал меня «медицинским извозчиком».

Раненые с полка поступали без достаточной медицинской обработки ран, просто с первичными перевязками. В мою защиту высказался начальник медсанслужбы бригады майор медицинской службы Скляренко. Он говорил, что лейтенанта медицинской службы Козубенко надо не упрекать, а благодарить за то, что первая медицинская помощь оказывалась непосредственно на поле боя и раненые в короткие сроки доставлялись в медсанроту бригады и в медсанбат. Конечно, с санитарно обработанными ранеными справляться было легче, но в полку два фельдшера без врача. Эту мысль поддержал и начальник медсанслужбы корпуса в своем заключении.

Но гладко все не бывает. Врачи бригады при осмотре на форму-20 — это на вшивость — обнаружили у ряда танкистов вши, и мне серьезно попало. В боях за этим просто никто не смотрел, да и я не думал об этом. Организовали помывку личного состава, прожарку белья и обмундирования. Недостатки устранили.

Полным ходом шло обустройство санчасти. В палатке развернули амбулаторию, вырыли и оборудовали землянку для личного состава и землянку для медсестер. Вновь беготня за получением медимущества. Это было на мне, а амбулатория на Боженко. Началась повседневная медико-санитарная служба. Общее санитарное состояние жилых палаток. Много внимания забирал пищеблок, занятия по медподготовке, да и амбулаторный прием. У некоторых были открытые раны. Шла интенсивная подготовка к предстоящим боям. Занятия шли по планам боевой подготовки. Медработники проводили занятия по оказанию самопомощи и взаимопомощи при ранениях, как пользоваться индивидуальными перевязочными пакетами (ИПП). По вечерам старожилы делились опытом. Каким образом надо покидать подбитый или подожженный танк, а главное, как себя вести в бою. Эти беседы поощрялись и даже направлялись командованием.

В один из дней мне доложили, что в полку начальник медицинской службы армии полковник медицинской службы Васильев. Навести марафет не успели. Минут через десять группа офицеров во главе с полковником медицинской службы пришла в санчасть. Как положено, отдал рапорт. Тот поздоровался и сказал: «Так вот ты какой, вояка, расскажи о бое у Хотынца, хочу послушать». Я сказал, что там воевал не я, а солдаты. Я присутствовал. «Скромность, это хорошо. Показывай санчасть», — сказал полковник. Он осмотрел амбулатории, там ему представился Боженко, посмотрел землянку. Остался доволен. Спросил, а где живут медсестры. Я показал на землянку. Она была несколько в стороне. Полковник заглянул туда. Там было грязно, не убрано. Остался недоволен. Обращаясь ко мне, сказал: «Почему допустили до такого безобразия?» Я вздумал обратиться к нему с просьбой, чтоб двух медсестер убрали из санчасти. В боях я их не видел, да и сейчас редко вижу. Полковник, обращаясь к начальнику медсанслужбы корпуса, сказал, чтобы разобрались, так как положение явно ненормально. Начальник ответил, что разберется, и тут же доложил, что в полку израсходовано более двух комплектов индивидуальных перевязочных пакетов. Полковник обратился ко мне. В чем причина? Я доложил, что ранения танкистов, как правило, множественные, обширные ожоги. Одного пакета не хватает на перевязку. Поэтому танкисты имеют, как правило, два пакета. Санинструктору таскать большое количество пакетов невозможно. Полковник Васильев

выслушал и сказал, что доводы лейтенанта имеют под собой почву. Начальство уехало. Для меня начались нервные денечки. Командир полка сразу же после убийства полковника набросился на меня. Его матерщине мог бы позавидовать и флотский боцман. Когда сказал, что выгонит из полка, я додумался ответить, что дальше фронта не пошлют. Ругань продолжалась еще интенсивнее. Это все слышали, не только кто был рядом, но и танкисты. Причина ругани была в том, что одна из медсестер была пассией командира полка. Неприязнь командира полка усилилась. Мне сочувствовали. Благо, что его — подполковника Артемьева — скоро отозвали из полка. Танкисты, и особенно офицеры, не любили его из-за высокомерия, грубости, да и трусливости. Отъезд его из полка восприняли с облегчением. В полк прибыл новый командир полка подполковник Сергеев. Считаю нужным остановиться на особенностях нашего полка.

1. Полк был молодежным. Тех, кому под тридцать или за тридцать, считали стариками.
2. В боях водку не пили, и это уже было традицией, потому что в прошлом кто глотнул аквавиту, как правило, не выпрыгивал из подбитого или подожженного танка. На формировке наверх стывали.
3. Награды в период боев носили на внутренней стороне карманов гимнастерки.
4. У каждого не менее 2 ИПП. Взаимопомощь была, как правило.
5. Стремление после выписки из госпиталей вернуться в полк. Очень часто и с недолеченными ранами.
6. Дружба, сплоченность в полку была очень высокой. Полк был семьей. Беды и горести делили вместе.

Заслуга создания такой обстановки принадлежала начальнику штаба майору Ходоричу и заместителю командира полка подполковнику Григорьеву. Если первый отличался геройством, требовательностью и заботой, то второй доброжелательностью, вниманием к любому солдату. Не случайно не командира полка, а его звали батей.

Чистоплотность в отношении к боеприпасам. Прежде чем загрузить боеприпасы, их тщательно чистили. В башню вместо 54 снарядов загружали до 70-72. В танке тесновато, но запас снарядов танкистов делал не так зависимыми от подвоза боеприпасов. Эти и другие особенности были присущи другим частям, но наш полк был единой сплоченной семьей.

Вскоре меня вызвали в медсанотдел армии. Там я встретил выпускника нашей роты. Пока ждал приема, пообщались. Вспомнили училище. Он также сказал, что после поездки по частям полковник высказал похвалу нашему училищу. Мол, хороших специалистов готовит училище. Меня проинструктировали и дали предписание убыть в Москву, на Главном медицинском складе получить имущество (два больших тюка с какой-то вакциной). Я и старшина Голубев отправились в Москву. В Москве зашел на Шаболовку. В резерве никого из знакомых не было. Врачи — девчата, тоже разъехались по местам службы. Получив тюки с медикаментами, перечень был у нас в накладной, отправились назад поездом через Брянск. Доставили тюки в село Жилкины Дворики. Там размещался штаб армии и службы. Вернулись в полк. Через несколько дней нас, группу офицеров и солдат, вызвали в политотдел корпуса для вручения партбилетов. Полковник Потапов, он был начальником политотдела корпуса, после вручения партбилетов побеседовал со мной. Спросил, не желаю ли я стать политработником. Я ответил, что не знаю. В общем, проявил нерешительность. Он сказал, идите и хорошенько подумайте. Что думать. Я ведь не знал, что там нужно делать, тогда как в санчасти я чувствовал себя на «ногах». Шла повседневная жизнь, учеба, работа в санчасти, присутствие на занятиях. На одном из занятий по боевой подготовке — обкатка танками. На таких занятиях присутствие медиков обязательно. Суть занятия. Ровик, в нем сидит солдат. Танк идет на тебя. Нужно пропустить танк над собой, вскочить и бросить на трансмиссию (задняя часть танка) деревянную болванку, выполняющую роль бутылки с зажигательной смесью. Выдерживали не все. До подхода танка выскакивали с ровика. И вдруг обращение ко мне: «Доктор, в ровик». Неожиданно. Вскочил в окоп. Танк идет, чувство такое, что тебя сейчас раздавит. Психологическая нагрузка,

конечно, большая. Выдержал. Бросил болванку. Попал. Командир полка, обращаясь к офицерам, сказал, что доктор сумел, пожалуйста, в ровик, товарищи офицеры. Вместо учебы солдат получилось занятие на выдержку офицеров.

В конце октября в штаб бригады вызвали всех офицеров. В бригаду приехал командующий армией генерал Боданов. Прославленный генерал. Получил орден Суворова под номером один. Построили по частям в две шеренги. В метрах в 25 от офицеров шеренга солдат 11 человек. Танкисты были на левом фланге. Командующий стал обходить строй. Указал пальцем на одного из офицеров, тот представился, и дал команду развернуть отделение к бою. Офицер не справился, возможно, растерялся. Указал на другого офицера — то же самое. Поравнялся с танкистами полка — и пальцем на меня. Я даже представиться не успел, как последовала команда «Выполняйте!». Я развернул отделение. На вопрос, кто такой, я представился: старший фельдшер танкового полка, исполняю обязанности старшего врача. Перед строем началась ругань в адрес заместителя командира бригады по строевой. Мол, чем вы занимаетесь, доктор развернул отделение, а офицеры стрелковых батальонов не смогли. Повернулся и уехал. И опять мое имя прозвучало у верхних начальников.

Прошел месяц. Постепенно раненые танкисты выздоравливали в госпиталях и возвращались в полк, частенько не долечившись. Как узнавали, где располагается полк, так делали все, чтобы поскорее оказаться в полку. Не случайно говорили, что раненые выиграли войну. Статистика говорит, что 70 % раненых возвращались в строй. Комсорг полка капитан Можяев переведен в другую часть с повышением. Собрали комсомольское собрание. Некомсомольцев в полку из молодежи были единицы. На собрание пригласили коммунистов. Практически собрался весь полк. Майор Ходорич подвел итоги деятельности полка в Орловской операции. Это был первый вопрос. Второй вопрос — выборы бюро ВЛКСМ полка. И здесь для меня неожиданность. Наперебой стали выкрикивать: «Доктора в комсорги!» Многим из присутствовавших на собрании я лично оказывал помощь при ранениях и эвакуировал в тыл. Было понятно и мое хождение в тыл противника за раненым. В общем, я стал ответственным секретарем комсомольской организации полка, т. е. комсоргом полка. Начальник штаба полка майор Ходорич сразу после окончания собрания мне сказал, что пока нет врача, я полностью отвечаю за санчасть. Пару недель я был и там и там. Прибыл старший врач полка, капитан медицинской службы Иванов. Я из благоустроенной землянки санчасти перебрался в землянку партийно-политического аппарата. Землянка оставила не совсем благоприятное впечатление. Но зато агитатор полка капитан Порамошкин И.С. встретил тепло. Он стал моим наставником и близким другом. Личный состав в полку менялся, но меня до конца дней пребывания в полку звали «комсомольским доктором».

Что и как делать, какие обязанности комсорга, мне никто не говорил. На второй день после собрания заместитель командира полка по политчасти майор Коваленко повел в политотдел бригады. Познакомил с некоторыми работниками политотдела. Начальник политотдела подполковник Антоненко нас не принял, и мы вернулись в полк. Несколько слов о начальнике политотдела. Высокий, сухопарый вечно чем-то недовольный человек. В нашем полку ни разу не был. В период боев был глубоко в тылу бригады. Примером для подражания не был. Я суть партполитработы познавал на своем опыте и советах капитана Порамошкина, потому что никаких теоретических знаний и практических навыков у меня не было. Учился и военному делу. Продолжал изучать танк. На стрельбище подполковник Григорьев разрешил отстрелять упражнение из пушки и пулемета. Упражнение выполнил только на тройку. Внутренне был недоволен. Весь ход жизни полка и общение с личным составом стали вырисовывать цели и задачи партполитработы.

1. Воспитание патриотизма. Любовь к Родине и ненависть к ее врагам.
2. Руководящая роль партии. Коммунисты — пример в борьбе за честь и независимость Родины. Тов. Сталин — это знамя, это вождь, это Верховный Главнокомандующий.
3. Воспитание на героической истории комсомола.
4. Боевые традиции Вооруженных сил и конкретно полка. Гордость за полк.

5. Вера в наших командиров.
6. Войсковое товарищество, дружба, взаимопомощь.
7. Подготовка к вступлению комсомольцев в партию, в основе ее вера в идеалы коммунизма и др.

Отдельно ни один из этих пунктов не выделялся. Было единство цели.

Какие же формы и методы для выполнения задач политической работы использовались:

1. Личное общение, беседы.
2. Политинформации и политзанятия.
3. Собrania и совещания.
4. Подбор и работа с активом и др. формы.

Главный вывод, который я сделал, это быть с людьми, не прятаться за их спины. Реагировать на их запросы и нужды. Получил солдат письмо из дома, что что-то не так. Совет или письмо от имени командира в военкомат, в советские органы и т. д. О письмах надо вести речь отдельно.

Не могу не рассказать о встрече с эстрадной певицей Клавдией Шульженко. Артисты нас посещали. Так называемые «поездки на фронт». Но этот «фронт» находился минимум за 200-300 км от фронта. Посещали части, которые выведены на отдых или переформирование. Певица приехала в полк в сопровождении представителя политотдела корпуса под вечер. Было уже темно. В ее честь устроили ужин. В большой землянке накрыли столы и собрались почти все офицеры полка. Расселись. Рядом с певицей посадили подполковника Григорьева. Еще не начался ужин, как она заявила: «Вы что, не нашли помоложе офицера посадить со мной рядом?» Оцепенение. Григорьева любили. Без команды — спонтанно — офицеры встали и ушли. С ней остались заместитель командира по политчасти и офицер из корпуса. Рано утром, не дав концерта, она уехала. Заместитель командира полка по политчасти получил приличную нахлобучку за плохую встречу артистки. Несмотря на приятный голос, манеру исполнения, душевное содержание слов песен, для меня, и не только для меня, она осталась вздорной, невоспитанной, неприятной женщиной. Офицеры возмущались, но это было мимолетно. Учеба продолжалась. Как говорится, «в воздухе пахло приказом». Об этом говорили многие моменты. Такие, как вызов командиров и начальников штабов на совещания в верхи, доклады командиров о состоянии боеспособности частей, политзанятия о деятельности Советской Армии на фронтах, получение и изучение памяток о танке «Т-34-85», проведение партийных и комсомольских собраний о состоянии боеготовности, боеспособности и многое другое.

Фронт неудержимо шел на запад. Получили приказ о погрузке в эшелоны. Начальник 2-го эшелона подполковник Григорьев, первого — майор Ходорич. Мне и капитану Порамошкину приказано быть во 2-м эшелоне. Погрузка прошла спокойно. Узкому кругу офицеров было известно, что двигаемся на Киев в распоряжение 1-го Украинского фронта. Двигались быстро. Недолгая задержка. была недалеко от г. Шостка. Выгрузились в Дарнице. Переправа через Днепр по понтонному мосту. Двигались повзводно, мимо памятника Богдану Хмельницкому в сторону Святошино. Крещатик был разрушен. Горы земли и кирпича. Не было и ста метров прямой дороги. Целый дорожный лабиринт. Место расположения полка было отведено в г. Ирпень. Расположились около лесного склада. Обустройство и учеба. Ожидание прибытия танков. Сообщили, что прибывает эшелон танков для полка, примерно за час. Командование, партийно-политический аппарат и хозяйственники убыли на станцию. Прибыл эшелон танков с экипажами. Была большая радость в том, что в числе экипажа одного из танков был лейтенант Марков. Его чуть ли не качали. Другие экипажи не понимали причину радости, да и сам Марков был в оцепенении. Он не знал, как его спасали. Он же был тогда без сознания. Рассказали, как за ним, раненым, ходили в тыл противника. На прибывших танкистов рассказ произвел большое впечатление. Была высказана мысль, что в этом полку раненых не бросают. Знакомство с вновь прибывшими. Большинство командиров и членов экипажей были с 1925 года рождения. Почти все были комсомольцы. Началось переформирование экипажей. В

каждом экипаже хоть один человек был из полковых танкистов-старожилов. Было и недовольство. Убедили, что так будет лучше. Экипажи уже были из пяти человек. Командир танка, командир орудия — он же наводчик, заряжающий, стрелок-радист и механик водитель. За счет тех танкистов, которые остались без танков, создавался полковой резерв. Занимаясь учетом комсомольцев, созданием комсомольских организаций в ротах, я знакомился с людьми. Подбирал комсомольский актив. Временно, до комсомольских собраний, назначал комсorghов рот. Началось сколачивание экипажей. Учебные занятия. В связи с тем, что танки прибыли с 85-мм пушкой, наводчиков оставили на местах, так как они еще в учебно-запасном полку изучали эту систему и проводили стрельбы. На занятиях с танкистами выявился один момент. Крышка люка была не цельная на весь люк, как в «Т-34», а из двух половинок. В одной из них был установлен для обозрения прибор в виде перископа. На занятиях отработывались приемы, как занимать свои места танкистам в танке и как покидать танк. Команды «по машинам» и «отбой». Засекалось время. Для выполнения этих команд были нормативы по времени. На тренировках танкисты не укладывались в нормативы. Выяснилось, что ручка так называемого перископа при выскакивании из танка ударялась в грудь. Задержка — и результат невыполнение норматива. В бою это гибель. Снимать перископы не разрешалось. Конструкторы думали, что будет лучше и танкисту не выссовывать голову из люка для ориентировки. Оказалось, пользы мало, а вреда много. В боях танкисты просто это приспособление выбрасывали. Все командиры рот, да и часть командиров взводов были назначены из ветеранов полка.

Проскуровско-черновицкая операция

Командующий фронтом генерал Ватутин тяжело ранен в бою с украинскими националистами. Командование фронтом принял маршал Жуков Г.К. Имя Жукова было широко известно в офицерских кругах. Где Жуков, там тяжелые бои. Ходили слухи и о том, что с Жуковым лучше не встречаться. Он был не только резок до грубости, но и беспощаден. Полк получил приказ сосредоточиться в лесу около села Славута. Офицеры получили карты возможного района действий. Карты были чистые. Обстановка не нанесена. Сосредоточились без эксцессов. Командир полка уже имел конкретную задачу. Перед партполитаппаратом поставил задачу: отобрать 10 экипажей добровольцев для выполнения задачи:

1. Сразу после прорыва переднего края противника войти в брешь в обороне и уйти в оперативную глубину.
2. Двигаться, не вступая в бои.
3. Достичь железной дороги Львов — Одесса. Перерезать ее. По этой дороге проходило в обоих направлениях более 40 эшелонов в сутки. Район Войтовцы, Бальковцы, Коростово.
4. Держаться до подхода главных сил.
5. Глубина рейда около 200 км.
6. Особо отличившимся — звание Героев Советского Союза.

Конечно, все это до танкистов не доводилось. Подробности знали единицы офицеров. Заместитель по политчасти пошел в 3-ю роту, я во 2-ю роту, а капитан Порамошкин в 1-ю. Во 2-й танковой роте все экипажи изъявили желание быть добровольцами. Около командира полка было много офицеров. Все в защитных плащах. Я подошел для доклада. В докладе успел произнести, что 2-я рота в полном... остальные слова не успел договорить. Ко мне повернулся один из присутствующих и рявкнул: «Пошел вон!» Я узнал Жукова. Дал стрекача так, что остановился только в роте. Скорость моя была приличной. Предупредил Порамошкина и Коваленко об инциденте. Они уже действовали иначе, чем я. Было решено идти всем полком со 2-м мотострелковым батальоном на танках десантом. Почему я дал стрекача? Об этом я упомянул уже раньше. Решение: полк на выполнение задачи идет в полном составе. Задача уточнялась перед офицерами полка. Напомнил командир полка о том, что до экипажей довести задание командующего фронтом в общих чертах, подчеркнув, что задание очень ответственное и имеет стратегическое значение. На подготовку отводилось менее суток. Кроме

боеприпасов, горючего (кроме заправок горючим, на каждом танке бочка с горючим), сухой паек на три дня и по два бревна на корме каждого танка. Командование предусмотрело, что мартовская грязь на украинских черноземах потребует применения самовытаскивателей. Это когда танк увяз, сел на днище, то к гусеницам спереди, немного ниже передних ведущих, привязываются бревна, и танк, упираясь на бревна, снимается с грязевой подушки. Кроме этих военно-бытовых вопросов, проводилась и партийно-политическая работа. Главное, о важности задачи и о том доверии, которое оказывает нам командование фронтом. Из всех войск фронта выбрали именно нас. Это высокая честь и ответственность. Очень много поступило заявлений о приеме в партию. При поступлении в партию требовалось три рекомендации. Для комсомольцев нужно две рекомендации от членов партии и одна от комсомольской организации. Так что мне, кроме бесед в экипажах, с комсоргами рот, группкомсоргами взводов, пришлось писать не один десяток рекомендаций от комсомольской организации. Настрой личного состава был очень высокий. Я уже писал, что наш полк был молодежным. В абсолютном большинстве состоял из коммунистов и комсомольцев.

Под утро 4 марта 1944 года в наше расположение прибыл 2-й мотострелковый батальон, командир майор Бушмакин, в качестве десанта на танке. Началась артподготовка. Длилась она минут сорок. Пошла пехота. Впервые артиллеристы применили способ под именем «Огневой вал». Снаряды рвутся примерно в 200 метрах впереди наступающей пехоты. По мере продвижения пехоты артиллеристы переносили огонь. Так за огневым валом шла пехота. При таком способе артиллерийского сопровождения и прорыв обороны был успешнее, и потери пехоты значительно меньше. Пехота проделала для нас коридор, и мы устремились вперед, выполняя поставленную задачу.

С первых километров начались трудности из-за бездорожья. Шли мы, минуя села, по полям. Колесные машины застряли сразу. Колонны танков замыкали два тягача. Это те же танки, только без башни и вооружения. К одному из них прицепили кухню. В одном из мест на нашем пути оказалась небольшая лощина с болотистой грязью. Не помогли и самовытаскиватели. Справа, метрах в восьмистах, были какие-то сараи, скорее всего животноводческие фермы. Пришлось их разобрать и выстелить этот участок пути. Мотострелки очень быстро с этим справились. Хорошо было то, что, обходя населенные пункты, мы не встречали сопротивления противника и продвигались очень быстро. Застрявшие танки оставляли на попечение ремонтников с тягачами. Шестого марта вечером подошли к селу Бальковцы. Примерно в километре от села была лощина. Вот в ней мы и сосредоточились. Село было недалеко от железной дороги — конечного пункта нашей задачи. Разведчиков отправили разведать обстановку в селе. Вернувшись, разведчики доложили, что в селе они насчитали 12 танков, при полном спокойствии. Немцы не предполагали о возможном нашем появлении. Учитывая, что атака днем против таких сил противника едва ли окажется успешной, решили провести ночной бой. Застать ночной атакой немцев врасплох. Осложняло выполнение задачи то, что мы не знали, какие силы немцев находятся в селе Коростова (оно начиналось от села Бальковцы метрах в трехстах) и какая обстановка в городе Подволочиск, немцы его называли «Фридриховка». Городок своими окраинами примыкал к селу Коростова.

Несмотря на сложность обстановки, село Бальковцы атаковали. На окраине села мотострелки спешили с танков. Начался бой. Роте старшего лейтенанта Кичичина совместно с ротой мотострелков было поручено уничтожить противника в селе Бальковцы. Роте старшего лейтенанта Доронина совместно с ротой мотострелков капитана Крамаренко, не вступая в бой, захватить станцию Войтовцы, удерживать до подхода главных сил и не допустить контратаки немцев с левого фланга. Роте старшего лейтенанта Щербины, после взятия села Бальковцы, оставить танковый взвод старшего лейтенанта Маркова для отражения возможной контратаки немцев со стороны села Коростова и г. Подволочиска.

Бой был жаркий и скоротечный. Наши танкисты и мотострелки уничтожили пять танков противника, но потеряли два танка. Старший лейтенант Кичичин был тяжело ранен. Я оказался недалеко. Сделал ему перевязку, занес в ближайшую хату. Его экипаж уничтожил два танка. За этот бой он награжден орденом Отечественной войны I степени. В это время у нас в тылу, в районе скотных дворов,

началась перестрелка. Командир полка приказал мне взять отделение автоматчиков и уничтожить засевших там немцев. С задачей мы справились успешно. Сперва забросали внутрь дворов гранаты, а потом уже добились с автоматов. 7 немецких танков в селе захватили целехонькими. В некоторых даже было включено внутреннее освещение.

Наша внезапная ночная атака удалась. Танки и мотострелки устремились к железной дороге. Нужно было преодолеть дамбу, отделявшую болото от озера и высоту перед железной дорогой. Преодолели. Вышли к железной дороге и укрепились у железнодорожной будки. Мотострелки бригады и наши с роты автоматчиков стали окапываться у железнодорожной насыпи. Во время атаки по железной дороге проходил эшелон. Танкисты его обстреляли, но сумели попасть только в последний вагон, который загорелся. Так с факелом на хвосте он и ушел. По пути к насыпи обнаружили кабель, который был немного виден из земли. При взрыве снаряда образовалась воронка. Это и оголило кабель, хотя не повредило его. Мы этот кабель перерубили; как позже выяснилось, этот кабель соединял штаб группы армий немцев (у них называлось так то, что у нас именовалось фронтом).

С утра 7 марта немцы, придя в себя, начали контратаковать. Эта железная дорога была для них очень важна. По ней проходило в сутки более 40 эшелонов. В обороне на насыпи были задействованы все, кто мог держать оружие. Начальник штаба полка майор Ходорич из полкового резерва танкистов (танкисты, не имеющие танков, и танкисты с подбитых танков) назначил экипажи на немецкие танки. Танкисты быстро их освоили. Немецкие танки заместитель начальника штаба капитан Меркулов расставил так: «Тигр» поставил на высоте. У него дальность стрельбы большая и обзор очень хороший. 4 танка Т-IV поставил на левом фланге, слева от железнодорожной будки, а два Т-IV справа, недалеко от насыпи. Наши танки врыли в полотно железной дороги, так что только пушки над рельсами были видны. Как мы и ожидали, немцы крупными силами начали нас контратаковать. Я впервые увидел вблизи черные мундиры эсэсовцев. Мы насчитали 17 танков, а за ними солдаты в черных мундирах. Атаку отбили. Помогли бригадные артиллеристы. Командир дивизиона капитан Рубленко И.А. лично корректировал огонь. Дивизион развернули километра за два-три от села Бальковцы и стреляли с закрытых позиций. Капитан Рубленко был в наших боевых порядках. Боевой артиллерист. Позже он стал Героем Советского Союза. На поле боя немцы потеряли восемь танков. Мы потеряли два танка. Погиб экипаж танка лейтенанта Хижняка. Он танк загнал в железнодорожную будку, надеясь, что каменные стены будут защитой. Экипаж лейтенанта Хижняка подбил 2 немецких танка и около будки валялись около сотни трупов гитлеровцев. Будку немцы разрушили, и танк лейтенанта Хижняка сгорел вместе с экипажем. Лейтенант Хижняк был любимцем полка. Он обладал чудесным голосом. Когда он пел украинские народные песни, около землянки их роты собирался почти весь полк послушать этого соловья.

Через 2-3 часа немцы возобновили контратаку. Силы их уже были поменьше, но к ним на помощь подошел бронепоезд. Бронепоезд удачно обезвредили, это сделал танк младшего лейтенанта Остапова, но с места он продолжал обстреливать. Огнем с немецких трофейных танков заставили его замолчать. Потеряв 4 танка, бронепоезд и немало солдат, фашисты откатились назад на свои исходные позиции. Один интересный факт. Кресты на немецких танках мы не закрашивали, да об этом просто никто не думал. Немцы эти танки не обстреливали. В общем, и эту атаку немцев отбили. Контратаки противника прекратились. Два немецких «Мессершмитта» начали ходить буквально у нас над головами, что даже летчиков видно было.

Их, наверно, сбilo с толку и удивило то, что на наших позициях немецкие танки. Кресты-то видно издали. Вот самолеты для уяснения этого, на их взгляд, казуса, и стремились уточнить. Примечательно то, что самолеты нас не бомбили и не обстреливали.

У одного убитого немецкого офицера среди документов оказалась фотография. Он на фоне повешенной девушки. При детальном рассмотрении уяснили, что повешенная девушка Зоя Космодемьянская. Аналогичные фотографии были в наших газетах. Это известие облетело буквально

всех. Ненависть к фашистам во много раз возросла. Мы этот факт довели не только до личного состава полка, но и мотострелков.

К вечеру нас побаловали хозяйственники. Они у одной хозяйки купили свинью. Хозяйка никак не хотела брать деньги. Отдали. Принесли нам к железной дороге мясо еще теплое. Мне кажется, я никогда не ел вкуснее мяса, чем то, у железной дороги. Со стороны села Коростова и г. Подволочиска контрatak не было. Небезынтересно отметить один досадный факт. Части 10-го гвардейского танкового корпуса, подойдя к г. Подволочиску (Фридриховка), увидели танки с крестами и обстреляли их. Быстро разобрались, что на них свои танкисты, и прекратили обстрел. Благо, что от обстрела никто не пострадал.

Вот у старшего лейтенанта Доронина в Войтовцах бои были жарче, чем у нас у железнодорожной будки. Немцы всеми силами старались отбить станцию Войтовцы. Оказалось, что на станции были большие немецкие склады имущества, боеприпасов, горючего для всего этого участка фронта. Немцы понимали, что потеря складов на станции Войтовцы грозит большими затруднениями в снабжении всей группировки, находящейся в районе Проскурова и Каменец-Подольска. Первая контратака немцев была отбита без наших потерь. Противник рассчитывал вернуть станцию Войтовцы небольшими силами. После того как их атака не удалась, они уже контратаковали большими силами. Немцы бросили в бой свои отборные силы из дивизии СС «Адольф Гитлер». Ожесточенный бой вели танкисты роты старшего лейтенанта Доронина и мотострелки роты капитана Крамаренко. Оставив на подступах к станции шесть подбитых танков, три штурмовых орудия и до батальона пехоты, гитлеровцы откатились назад. Передышка длилась недолго. За это время танкисты заняли более выгодные позиции, а мотострелки поглубже отрыли окопы. Через 3 часа немцы возобновили свои атаки. Бой длился до самого вечера. Фашисты даже заняли некоторые станционные постройки. Мотострелки капитана Крамаренко при поддержке танкового огня выбили их и восстановили положение. 8 марта бои не прекращались. Немцы атаковали то с одного, то с другого фланга, но гвардейцы, умело маневрируя силами и средствами, отбивали атаки. Появились потери и с нашей стороны. Подбит танк лейтенанта Ходжаяна А.А., сгорел танк лейтенанта Куруленко И., взрывом немецкого снаряда заклинило башню танка лейтенанта Барабанова. Ряд танкистов получили ранения. Вечером 8 марта на помощь капитану Доронину командир полка направил танковый взвод старшего лейтенанта Гусева. Ночью подошел первый мотострелковый батальон бригады. 9 марта, после неудачной утренней атаки, гитлеровцы оставили свои попытки вернуть станцию Войтовцы и свои склады. В боях за станцию Войтовцы немцы потеряли 9 танков, 3 штурмовых орудия до десятка бронетранспортеров и до 2 батальонов пехоты. На счету экипажа старшего лейтенанта Доронина уничтожено 4 немецких танка и штурмовое орудие, экипаж лейтенанта Ходжаяна — 2 танка, экипажи лейтенантов Барабанова, Щербатенко и Горелова — по 1 танку. На счету экипажа лейтенанта Суруленко штурмовое орудие, а у лейтенанта Щербатенко, кроме танка, еще и штурмовое орудие. Это те, которые немцы не утащили с поля боя. У немцев было отработано: подбитые танки, бронетранспортеры сразу же оттащить.

Почти все участники боев за станцию Войтовцы были награждены. Лейтенант Ходжаян орденом Красной Звезды, лейтенант Горелов орденом Отечественной войны II степени, лейтенант Щербатенко орденом Красной Звезды, старший сержант Балакирев, младший сержант Холезин орденом Красной Звезды, сержант Чубаркин орденом Славы III степени. Медалью «За отвагу» награждены сержанты Остапов Т.Н., сержант Зайцев А.Г. и многие другие. Просто если всех перечислять, то нужна не одна страница. Командир роты мотострелков капитан Крамаренко награжден орденом Боевого Красного Знамени и старшему лейтенанту Доронину присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

9 марта нас сменили подошедшие стрелковые части. Нам приказано совершить марш в Тернопольскую область в окрестности села Романов через г. Подволочиск и Волочиск; в Коростове осмотрели свою трехдневную работу: подбитые в Хмельницкой области, сгоревшие в Тернопольской области танки, бронетранспортеры и множество воронок и трупов немецких солдат. К 19 часам 9 марта, уже по темноте, сосредоточились в лощинах у шоссе, примерно в 2 километрах от села

Романово. В селе располагался штаб нашего гвардейского механизированного корпуса. Начальник штаба полка приказал: сразу же выставить охранение. Четыре группы на расстоянии от полка на 1-1,5 км. Возложено это было на командира роты управления капитана Мосягина. После того как расставили танки, у машины командир полка подполковник Сергеев собрал всех офицеров. Доложил обстановку:

1. Нет четкого фронта.
2. Нет соседей, подразделения бригады на марше.
3. Открытая местность.
4. Рядом штаб корпуса, но связь еще не налажена.

На основании вышеизложенного начальник штаба майор Ходорич дал распоряжение:

1. В штабе дежурит капитан Меркулов.
2. В каждой роте дежурит офицер.
3. Экипаж на танке, 1 человек в танке.
4. Проверить материальную часть.
5. Повышенная боеготовность. Контроль на партийно-политическом аппарате, заместитель по политчасти даст задания.

Первый раз за несколько дней спокойно поужинали.

Меры предосторожности оказались своевременными. Примерно в 2 часа 30 минут охранение доложило, что немцы тремя колоннами движутся правее нас в 500 метрах. Тревога. Уточнение задачи. На каждую танковую роту — колонна противника. Автоматчики на танки. С одной ротой пошел командир полка, с другой — начальник штаба, с третьей — заместитель командира по строевой. В штабе — заместитель начальника штаба. Задача — огнем с пушек, пулеметов, автоматов, гусеницами — уничтожить противника. Скоротечный бой. Наша внезапность обеспечила успех. Я был с танкистами 2-й роты. Разбегавшихся немцев не только поражали огнем, но и давили гусеницами. Успех. Налажена связь с корпусом. Захватили около 100 пленных и несколько фаустпатронов — неизвестного нам оружия. Их с нарочным отправили в штаб корпуса. После этого боя произошла моя первая встреча с украинскими националистами. 27 человек сгрудились отдельно от пленных немцев и стали выкрикивать: «Ми не німці, ми українці». Это были проводники в каждой немецкой колонне. По показаниям пленных, их задача состояла в том, чтобы захватить штаб корпуса. О нашем полку они не знали. Информаторы-националисты не успели сообщить о прибытии полка. На выкрики националистов среагировал лейтенант Куруленко. С отборным матом и криком, мол, какие вы украинцы, вы запроданцы, выхватил у автоматчика автомат и дал очередь. Несколько националистов ранил. С трудом отобрали автомат. Из-за этого инцидента он чуть не попал под трибунал. Но самое отвратительное после этого боя было чистить гусеницы танков и катки. На них была не только кровь, но различные части человеческих тел. Чтобы облегчить неприятную работу, танки гоняли по пашне. Для меня, привычного иметь дело с частями человеческого тела, и то было неприятно, страшно. Многих танкистов даже рвало.

Простояли мы пару дней. За эти дни благодаря героическому труду ремонтников в полк вернулись с РТО 9 машин и из корпусных мастерских 3. Танками полк стал почти полностью укомплектован. Несколько слов о ремонтниках. Помощник командира по технической части майор Увин был не только хорошим организатором, но и инженером-рационализатором. У личного состава РТО были просто золотые руки. В боях за Войтовцы, Бальковцы мы потеряли много машин. Ремонтники эвакуировали подбитые машины с поля боя и заделывали пробойны в корпусах танков, ремонтировали моторы, даже меняли их. Оружейники меняли поврежденные стволы пушек. В полку был создан резерв запасных частей. Передовая группа ремонтников исправляла поломки или в

период марша, или на кратковременных остановках. После такого текущего ремонта машины догоняли полк. Ремонтники имели тесный контакт с механиками-водителями и оказывали им помощь в содержании машин в полной исправности. В полку был танк-ветеран, на нем было 11 заплат, сделанных ремонтниками полка. Полк получил новую задачу. Двигаться в темпе в глубь территории, занятой противником, в направлении сел Капичинцы, Старый Скалат, Окно, Оринино, Дубки, Каменец-Подольский. Получили топокарты предстоящего района действия. Немецкая группировка была окружена в районе г. Проскуров (ныне Хмельницкий). Мы были составной частью окружающих. Двигались быстро, почти без помех.

Правда, у села Оринино была попытка немцев к сопротивлению, но их быстро ликвидировали. Население встречало нас с большой радостью. Село Дубки заняли часов в 16-17. В селе оказалось небольшое количество немцев и несколько штабных машин. Их попытка удрать не удалась. Их уничтожили. Машины сожгли, а удирающих немцев расстреляли, как зайцев. Ночь прошла спокойно. Утром бой. Немцы, имея опыт Сталинграда и Корсунь-Шевченкова, стали прорываться из окружения. Атаки противника были отражены. Прорыв через село Дубки им не удался. После боя у с. Дубки полк, оставив заслон в селе, устремился в Каменец-Подольский. В городе у немцев были большие силы: 85 танков, 62 орудия, около 10 тысяч солдат и 300 пулеметов. Бои стали принимать затяжной характер. Нужно было форсировать очень коварную реку Смолитрич. Благо, что саперы успели разминировать старый мост. Внезапно бригаду и в ее составе наш танковый полк повернули назад к селу Оринино. Там личный состав штабов 4-й танковой армии и 6-го гвардейского механизированного корпуса вели бои с отходящими от г. Проскурова немцами, которые стремились выйти из окружения. После стабилизации положения в селе Оринино полку в составе бригады приказано было наступать в направлении Залещики, Коломыя.

В бою у с. Дубки я получил второе ранение. Тяжелое. В левое бедро. Сильное кровотечение. Было не ясно, задета ли кость. Капитан Порамошкин наложил повязки, шину и отнес в бригадную санчасть. В санчасти со мной ничего не делали. С первой машиной отправили в с. Оринино, где размещался медсанбат. Врачи меня знали. После осмотра сказали: «Довоевался! Ампутация». Я в резких тонах ответил: «Нет». «На операционном посмотрим, — ответили мне, — нога сильно отекает. Много крови пошло в мышцы. Кость задета, но не перебита. Большая вероятность развития газовой гангрены». Положили на стол, и я под наркозом. После того как очнулся от наркоза, рассказали, что чистили долго. Разрезы делали слоями. Рана оказалась с наружной стороны бедра 20 см, а с внутренней 16. В первый день сделали три перевязки. В слоеную рану закладывали и меняли прокладки, густо смоченные марганцовкой. Мне объяснили, это для того, чтобы не допустить анаэробной инфекции (микробы, развивающиеся без доступа кислорода). Если они появятся, то газовая гангрена, ампутация или смерть. Бедренная кость задета, но не перебита. Поврежден седалищный нерв. Медсанбат расположился в школе. Палата послеоперационных окнами выходила в лес. В палате было человек 20. В с. Оринино размещался штаб корпуса и 4-й танковой армии. На окраине села и в самом селе шел бой. Немцы, не сумев прорваться через село Дубки, пошли на с. Оринино. В штабах, начиная от писарей и кончая генералами, заняли оборону. Из частей, оборонявших Оринино, был только мотоциклетный батальон и рота охраны. Наша бригада и другие части вели бои по освобождению г. Каменец-Подольский. 16-ю гвардейскую механизированную бригаду и тяжелый танково-самоходный полк отозвали из Каменец-Подольского к с. Оринино. При вступлении в бой этих сил немцы отошли от Оринино, обошли село и ушли на запад. Окружение под Проскуровом не удалось. Причина была одна — недооценка сил противника и переоценка своих сил, в войну это случалось частенько. Каково же было нам, лежащим раненым. Легкораненые, прихватив какое было оружие, ушли в окопы. Мы же, находясь в беспомощном положении, не имея возможности сопротивляться, находились в ужасной ситуации. Оружие у раненых забирали в медпунктах, но многие в медсанбат приходили с оружием. В момент перевязки меня после ранения капитан Порамошкин мой пистолет положил в командирскую сумку. Так что я в период боев в селе так и пролежал с пистолетом на груди. Медсестры нас информировали о положении дел. От них мы узнали о прибытии тяжелых танков, их называли «Щука». Это были танки ИС-2. Бой затих. В медсанбат приходил майор Дементьев из политотдела корпуса, чтоб подбодрить нас.

В медсанбате я пролежал до тех пор, пока не наступила у врачей уверенность, что воспалительного процесса нет и меня можно эвакуировать. Перед эвакуацией сделали перевязку. Запеленали основательно. Отправили на грузовой машине. Дорога проходила недалеко от г. Тернополя, где еще велись бои с окруженным в Тернополе противником. Нашу колонну обстреляли «Мессершмитты». Были среди раненых и пострадавшие. Доставили на станцию Сбараж. Эшелон с вагонами-теплушками уже стоял. На два вагона одна медсестра. Доехали до Шепетовки. Стояли очень долго. Узнал, что в Шепетовке, в школе, расположен наш армейский госпиталь. Решил добраться туда. Что побудило на этот шаг?

1. Мне нужны частые перевязки. В условиях теплушечного эшелона и такого медобслуживания — сестра была в вагоне только на одном перегоне, врачи были в пассажирском вагоне в середине поезда — перевязки были практически невозможны.
2. С нашего армейского госпиталя я наверняка после излечения вернусь в свой полк.
3. В теплушке много раненых. Духота невыносимая. Был солдат, который подавал судно и утки. Но это не спасало. Стоны непрерывные.

Уговорил медсестру и начальника эшелона отдать мне карточку раненого, такой документ был на каждого раненого, и помочь с транспортом, чтоб меня довезли до госпиталя. Сестра быстро нашла деда с повозкой. Вначале сбросили с вагона костыли, а потом выбрался с помощью и я. Медсестра и начальник эшелона пошли на этот шаг потому, что не были уверены, довезут меня до госпиталя или нет. Усадили в повозку. Добрались до госпиталя. Встретили нормально. Сразу в перевязочную. Хирург капитан медицинской службы Беридзе очень ругался в период перевязки. Говорил, что какой идиот с такой раной решил отправить эшелонам из теплушек. Опять частые перевязки. Через две недели отобрали костыли и дали палочку. Для меня это было очень нелегко. Лечение шло нормально. Врачи, медсестры были внимательны, имели опыт, проявляли заботу. На одной из перевязок врач завел разговор, откуда я, где учился и прочее. Разговор велся в первую очередь с целью отвлечь меня от процесса перевязки. Перевязка все же была болезненной процедурой. Раны были обширные и рубцевались медленно. Перевязки делались часто. Обработывали, чтоб не загноилось. Я рассказал, кто я, откуда, где учился, как пришлось исполнять обязанности старшего врача полка. Он спросил, это не вас ли называли медицинским извозчиком. Я сказал, что действительно на одном из совещаний медработников меня так называли. Врач сказал, что на совещании у полковника медицинской службы Васильева начальник медслужбы армии упомянул имя фельдшера, как медицинского извозчика. После этого разговора отношение ко мне было истинно товарищеским. Врач Беридзе, который при первой встрече ругался, сказал, что он поставит меня на ноги. Мне трижды переливали кровь. Кровь сдавали медсестры. Я пытался узнать, чья теперь во мне кровь, отвечали всегда однозначно: все сестры сдавали.

Палатной сестрой была Аня Сафонова. У нас с ней сложились дружеские отношения. В мае перед началом кино в зал пришел заместитель начальника госпиталя по политчасти. Зачитал приказ о награждениях. В числе награжденных орденом Красная Звезда был и я. Потом были вручены награды. Это была моя вторая награда и первый орден.

Предстояла передислокация госпиталя. Была попытка начальника медслужбы госпиталя отправить меня в тыл. Капитан медицинской службы Новикова Валентина Семеновна, лечащий врач, воспротивилась, сказала, что его с такими ранами уже один раз отправляли. Погрузились в эшелон. Опять теплушки, г. Шепетовка — это узел железных дорог. Ее часто бомбили. И на этот раз был авианалет. Эшелон успели вывести за пределы станции. Раненые и обслуживающий персонал покидали вагоны. Я тоже приготовился, сидел у открытой двери вагона, ждал, чтоб кто-то помог. Недалеко взорвалась бомба. Меня выбросило из вагона. Уже перед самой отправкой эшелона меня медсестра Аня с помощью ребят затащила в вагон. Мой полет из вагона прошел удачно. Я отделался только ушибами и ссадинами. Госпиталь расположился в г. Черткове в старых военных казармах. Раны постепенно заживали. Рана на внутренней части бедра закрылась. Узнал, где находится наш

полк. Попросил выписать. Пролежал в госпитале три месяца. Я вернулся в полк с палочкой. Долечивался у себя в полку. Мое должностное место уже было занято. Через несколько дней старшего лейтенанта Комарова, который был комсоргом полка вместо меня, отозвали, и я приступил к своим обязанностям. Большую роль в моем становлении как политработника сыграл агитатор полка капитан Порамошкин Иван Сергеевич. Если возникал какой-либо вопрос или было что-то непонятно, я обращался к нему и получал, как правило, исчерпывающий ответ.

Вернувшись в полк, я был обрадован тем, что командиром полка был назначен майор Ходорич — любимец полка. Кадровый командир, грамотный танкист, не допускавший никакой грубости к подчиненным, он был примером для всех. Полк в период Проскурово-Черновицкой операции имел большие успехи как в оборонительных, так и в наступательных боях. На счету полка много уничтоженных фашистских танков, машин и солдат. Личный состав полка проявил чудеса героизма. Многие получили ордена и медали, а старший лейтенант Доронин, лейтенант Барабанов стали Героями Советского Союза. Я расспросил Барабанова, Пергаменщикова, Щербатенко об их рейде, об экипажах. Ведь все они были комсомольцами. Об этом я сообщаю.

Рейд к реке Днестр

27 марта командиру взвода лейтенанту Барабанову П.И. со своим взводом — танки лейтенанта Пергаменщикова и младшего лейтенанта Щербатенко — приказано срочно дозаправить горючим и боеприпасами. Особенно загрузить снарядами, сколько позволит внутританковое пространство, и убыть в распоряжение штаба бригады. Отправляя взвод, заместитель командира полка по политчасти майор Коваленко напутствовал: «Вы все комсомольцы, мы надеемся, что полк не подведете». Все говорило за то, что взвод посылают на какое-то особое задание. В штаб бригады вызвали сразу четырех лейтенантов — Радугина, Барабанова, Турыщева и Сидоренко. Лейтенанты Радугин и Турыщев были со 2-го мотострелкового батальона бригады, с нашего полка Барабанов и с бригадной роты связи Сидоренко. Начальник штаба бригады майор Щербак поставил задачу. Противник, окруженный западнее г. Проскурова, стремится в обход г. Каменец-Подольского и села Оринино вырваться из кольца и уйти за реку Днестр. Группе в составе танкового взвода — 3 танка, взводу разведки, взводу автоматчиков, отделению саперов и радистам войти в тыл, обходя узлы сопротивления, захватить переправу в селе Студеницы, не допустить отхода немцев за р. Днестр. Удерживать переправу до подхода главных сил. Командовать группой назначили лейтенанта Радугина, его заместителем лейтенанта Барабанова. Барабанов ознакомил экипажи с поставленной задачей. Группа начала движение по намеченному маршруту. По пути была деревня Ключиевская. В ней немцев не было. Жители рассказали, что в соседнем селе Станиславовка много немцев. Перед селом остановились. Послали разведку. Разведчики, не дойдя до села, обнаружили, что под углом к группе движется колонна автомашин и повозок. Поняли, что разминуться с ними не удастся. Решили разгромить колонну. Подпустили метров на 150-200. Атаковали. Внезапность сыграла свою роль. Немцы почти не оказывали сопротивления. Давили гусеницами. Снаряды экономили. Минут через 30-40 с колонной покончили. Радугин доложил о результатах боя и получил приказ: стараться избегать столкновений с противником и выполнять задачу. Обошли село. Двигались быстро. Надо было дойти до населенного пункта Китайгород дотемна. Перед городком остановились. Танк лейтенанта Пергаменщикова с десантом отправили вперед для выяснения обстановки. На окраине городка встретили мальчишек, которые рассказали, где в селе штаб немцев. При подходе основной части группы двинулись по улице, где штаб немцев. Автоматчики вскочили в дом и застали там в растерянности восемь офицеров. Разоружили. Допросили. Благо у немецкого майора-сапера была переводчица из местных жителей — немка. Задача немецких саперов была организовать переправу через реку Днестр. Беспечность немцев была поразительной. Они наверняка считали, что находятся в глубоком тылу. Группа отошла немного назад и Китайгород обошла стороной. В селе Теремцы вновь пришлось разогнать и частично разгромить немцев, машины которых застряли в грязи и их вытаскивали бронетранспортеры. После с. Теремцы стало ясно, что тылы немецких войск стараются уйти за р. Днестр. К селу Студеницы, конечному пункту задачи, подошли под вечер следующего дня. Остановились, рассредоточились, замаскировались. Послали разведку к переправе. Разведчики

доложили, что переправа загружена. На той стороне пробка из повозок и машин. На этой стороне скопилось много машин. Один танк тянет на переправу тяжелое орудие. Противник наше присутствие не чувствует. В стороне от дороги стоят несколько танков. Радугин созвал, как он выразился, «лейтенантский совет». Решили по темноте атаковать переправу, взорвать мост, занять оборону, а там по обстановке. В 11 часов вечера группа устремилась к переправе. Барабанов с первого выстрела поджег танк. Надо сказать, что немецкие танки вообще горели «ярким пламенем». У них горючим был бензин, наши же были на солярке (дизельное топливо). Пергаменщиков и Щербатенко открыли огонь по группе танков и подбили 3 танка. Воины группы вели огонь по противнику. Горели танки, автомашины. Немцы в панике.

Саперы воспользовались паникой, подорвали мост. Немцы пытались спастись бегством от переправы. К полуночи стрельба затихла. Решили на «совете», что позиции у переправы имеющимися силами не удержать. Танки отвести, чтобы подходы к переправе были под их огнем, автоматчикам занять позиции на скалистом берегу. Получилось так, что наша группа по одну сторону села, а немцы по вторую, мост же посередине. Связи со штабом бригады не было. Рации такое расстояние не брали. Часа в 4 утра немцы стали подвозить лес и другие материалы для восстановления моста. Строем человек тридцать немцев подошли к мосту, начали убирать трупы и разбитую технику. Радугин сам отправился к переправе уяснить обстановку и предупредил Барабанова, что, если у переправы начнется стрельба, ударь танками. Через некоторое время у переправы началась перестрелка. Танкисты с автоматчиками ринулись к переправе. Там Радугин с автоматчиками вел бой. Общими усилиями часть фашистов уничтожили, часть их разбежалась. Уничтожили и то, что немцы подвезли для ремонта моста. Через пару часов разведчики, их еще ранее выслали во все стороны, донесли, что со стороны села Ключковцы движется колонна немцев. Решено танк Барабанова с частью сил оставить у моста, а танки Пергаменщикова и Щербатенко с десантом автоматчиков во главе с Радугиным направить навстречу немцам. Успели выбрать удобное место для засады. Минут через 30 пожаловали два мотоциклиста. Их без стрельбы захватили. Они показали, что разведывали маршрут, а две роты немцев с пушками и минометами следуют к переправе (во взводе разведчиков был немного знающий немецкий язык). Вскоре из-за поворота дороги показались немцы. Действительно, в колонне были и пушки, и минометы. Двигались медленно, наверно, ожидали свою разведку. Подпустили метров на 200-250. Пергаменщиков открыл огонь по орудиям и минометам, а Щербатенко осколочными снарядами по машинам. Автоматчики косили немцев из пулемета и автоматов. Немцы сопротивлялись мало. Паника подавила способность к сопротивлению. Оставшиеся в живых бежали в село Ключковцы. Радугин дал команду собрать оружие и боеприпасы. Подобрали много. Трофеями можно было вооружить не одну роту. Среди пленных оказались чехи, которые были мобилизованы немцами, а воевать не хотели. Один чех говорил по-русски. Он был в плену в Первую мировую войну. Разговорились. Он предложил из чехов создать минометную батарею. Было рискованно, но ему поверили. Минометов и мин было достаточно. Снарядов в танках было мало. К сбору трофеев к вечеру подключились и жители села. Поживиться было чем. Один житель рассказал, что в соседнем селе жителей согнали в скотный двор. Могут расстрелять или сжечь. Лейтенант Пергаменщиков вызвался освободить жителей села. Радугин разрешил. Житель села сел на танк и показывал дорогу. У него в том селе были родственники. Через пару часов Пергаменщиков доложил, что немцев разогнал, жителей освободил. Несколько человек, готовых сражаться с немцами, привез на танке, а многие мужчины идут пешком. Действительно, пришло более сотни человек. Сперва не знали, что с ними делать. Потом решили вооружить, разбить по взводам, а командирами назначить солдат и сержантов из автоматчиков. Радугин позвал лейтенанта Турищева и сказал, чтобы принимал команду с задачей: занять северо-западную часть окраины села Студеницы, занять оборону и хорошо окопаться. Накормили, в трофейное одели, кому одежда была нужна. Вскоре Турищев доложил, что в 1,5-2 километрах от него движется большая колонна немцев. Обороняться или наступать, сил мало. Радугин обратился к чеху, который минометами командовал, чтобы он пошел навстречу немцам и уговорил их сдать. Чех согласился. Он своим чехам сказал, чтобы минут через пять, как он начнет говорить, открыли огонь из минометов. Получилось так, как и предполагал парламентар-чех. Он начал разговор, и стали

рваться мины. Немцы как по команде бросились врассыпную, в соседний лес. Минометчики выпустили больше сотни мин. К радости всех, пришел невредимым чех. Радугин сердечно поблагодарил его. Лейтенанты понимали, что имеющимся силами обороняться будет очень проблематично. Снарядов осталось по несколько штук на танк, горючее на исходе. Разведчики группы привели к Радугину мужчину и женщину, которые заявили разведчикам, что они свои. Оказалось, это разведчики фронта возвращались с задания. Уяснив цель группы Радугина, предложили помощь. По своим каналам сообщили (у них мощная рация) о группе Радугина и в чем они нуждаются. На другой день у лейтенантов и всей группы радость. С самолетов на парашютах были сброшены горючее и снаряды и еще кое-что по мелочи. Танкисты готовы были на руках носить фронтовых разведчиков. 31 марта разведчики группы натолкнулись на группу в 25 человек. До перестрелки дело не дошло. Оказалось, что это партизаны, которые получили задание разведать обстановку у переправы через Днестр. Им выделили участок для обороны. Бои с мелкими группами немцев продолжались все время. Через фронтовых разведчиков получили команду. При подходе частей 2-го Украинского фронта передать позиции в селе Студеницы и возвращаться в бригаду. Группа «лейтенантов» при выполнении задания понесла значительные потери. 9 человек погибло, 27 ранено. Погибших похоронили со всеми почестями, которые были возможны в тех условиях. Собрались на «лейтенантский совет». Ждали Турищева. Подошел и он, но не один, а с незнакомым майором. Турищев показал на Радугина, что он наш командир. Майору было приказано принять от группы позиции. Позиции передали. Решили возвращаться в бригаду и полк в направлении Каменец-Подольского. Возвращение оказалось не таким уж простым делом. Скопилось много трофеев. Одних автомашин около 500 штук. Много разного оружия, боеприпасов и другого имущества. Да и пленные. Их же не бросишь. Барабанов предложил среди автоматчиков поискать, кто может водить машины. Нашлось, но этого было мало. На часть машин посадили чехов. Часть машин решено оставить жителям села Студеницы. Они им пригодятся. На наиболее проходимые машины, крытые, разместили раненых. 10 машин выделили для пленных. Надо сказать, что за весь период боев пленные вели себя смирно. Мысленно и наяву попрощались с переправой и жителями села. Их на улицы вышло много. Колонна растянулась не на одну сотню метров. Впереди, на удалении примерно километр, шел танк Щербатенко с десантом. В голове колонны танк Барабанова и замыкал колонну танк Пергаменщикова. На нем расположился лейтенант Радугин. Немцы группами выходили из окружения. С несколькими такими группами приходилось сталкиваться, но под огнем танков они быстро рассеивались. На дороге стали встречаться регулировщики. Значит, в расположении у своих. В одном из сел находился какой-то штаб. Оказалось, это штаб 10-го гвардейского танкового корпуса нашей армии. Генерал Белов поблагодарил за службу. Приказал все имущество сдать. Пленных и добровольцев оставить. Дозаправить танки и машины. Все было сдано по акту, все перечислено. Тяжелораненых оставили в медсанбате. Часть легкораненых тоже оставили, а части оказали помощь. Они не захотели оставаться и поехали вместе с группой в бригаду. Генерал Белов сказал, что о группе сообщит в бригаду. Двое суток догоняли бригаду. Догнали в г. Черткове. Радугин доложил о выполнении задания. За 8 дней группой было уничтожено 6 танков, 8 бронетранспортеров, 24 орудия, 14 пулеметов. Сожгли или повредили более тысячи машин, уничтожили много фашистов, 300 взяли в плен. Освободили около 400 граждан, согнанных фашистами для уничтожения. Вооружили несколько сотен граждан, как добровольцев. Рапорт о выполнении задачи лейтенант Радугин отдал командиру бригады гвардии полковнику Ривж, а лейтенант Барабанов таким же рапортом доложил командованию полка. Все участники рейда были награждены орденами и медалями. Лейтенанты Пергаменщиков и Щербатенко награждены орденами Боевого Красного Знамени, а лейтенанту Радугину и лейтенанту Барабанову было присвоено звание Героев Советского Союза. Перед строем полка майор Ходорич, он уже принял полк как командир, поблагодарил танкистов, участвовавших в рейде, за образцовое выполнение задания. Так закончился этот героический рейд по тылам противника. За время моего пребывания в госпитале в полку многое изменилось. Большинство личного состава для меня было незнакомым. Быстрому знакомству с людьми помогли те, с кем сдружилось совместное участие в боях, хотя их осталось немного. Уже редко меня называли «доктором». В первую очередь познакомился с комсоргами. Организовали для них однодневные сборы, на которых, кроме повседневных задач, обсуждалась и практика работы. Чем шире и больше

актив, тем плодотворнее работа. В числе актива были, кроме комсorgh, редакторы боевых листов, агитаторы, комсомольцы-офицеры. Все было подчинено тому, как лучше подготовиться к боям. Командиры танков в основном были выпускники училищ с ускоренным курсом обучения. Ребята молодые, по 19-20 лет от роду, а некоторым и 19 не было. Офицерским званием гордились. Гордость подчас перерастала в нетоварищеское обращение с членами экипажа, были малосамокритичны. Знаний, умения мало, а форсу — много. Поделились с этим явлением с командиром полка майором Ходоричем. Он отреагировал сразу. Собрал командиров танков и без накачки растолковал азы взаимоотношения в экипажах. Авторитет майора Ходорича К.В. был большой, к его словам прислушивались все, а молодые офицеры в особенности. Экипаж — это не просто группа людей в стальной коробке, это боевая семья, от действия каждого зависит и выполнение задачи, да и жизнь каждого. Остро встал вопрос о взаимозаменяемости в составе экипажа. В этом вопросе, кроме официальных занятий, много делалось вне занятий. Вот здесь комсомольский актив проявлял себя с самой лучшей стороны. Каждый активист прежде всего сам осваивал обязанности каждого члена экипажа, ну и тянул за собой остальных. Немало внимания уделялось и взаимной выручке в бою. Еще не обстрелянные воины с большим вниманием слушали рассказы «стариков», как, помогая друг другу, они спасали друг друга огнем, гусеницами, эвакуацией из подбитых машин, оказывали помощь при ранениях. Много внимания было уделено изучению техники. «Тридцатьчетверку» с 85-мм пушкой в основном освоили все танкисты. Заставлять кого-то, чтоб осваивал танк, нужды не было. Каждый понимал важность этого. Но у одних получалось что-то лучше, у других хуже. Вот у кого получалось хуже, к ним и было особое внимание. У рядового Осташкина не все получалось при освоении пушки. Над ним шефствовал сержант Нечаев. Сержант Крохмалев А.П. многим помог усвоить особенности вождения танка. У командиров орудий в почете были сержанты Савельев и Иванников. Савельев был в буквальном смысле снайпером, с ним никто не мог состязаться в меткости стрельбы. Иванников виртуозно стрелял с хода. Они не только рассказывали свои приемы, но и показывали их. Мастерство впоследствии сказалося в боях. Сержант Савельев К.А. был удостоен звания Героя Советского Союза. В полк прибыло несколько танков американского и английского производства — танки «Валентайн». Освоили быстро. Но получилось так, что никто из танкистов не хотел садиться на них. Внутри танка по сравнению с нашей «тридцатьчетверкой», для экипажа комфорт, а боевые качества опять же по сравнению с «Т-34» намного ниже. Пробыли они у нас недолго. Их от нас забрали. Интенсивно шла боевая учеба, но было достаточно времени и для массово-политических мероприятий. По вечерам читались газеты, пересказывали содержание отдельных статей. Надо отдать должное начальнику связи полка майору Кузовкину, который обеспечивал своевременную доставку почты. Практическую сторону доставки осуществлял сержант Булочкин — комсорг роты управления. Интерес к газетам был большой. Из них узнавали о положении на других фронтах, о действиях партизан, о тружениках тыла. Особый интерес вызывали газеты, в которых печатались статьи Ильи Оренбурга, Шолохова, Суркова и др. Особенно ждали статей Оренбурга. Его статьи отличались резкостью суждений, большой ненавистью к фашистам, призывали к их уничтожению. Большой популярностью пользовалась наша корпусная газета «Вперед». В ней рассказывалось об отличившихся в боях. Неоднократно газета помещала материалы о боях нашего полка. Так, в июне 1944 года фотокорреспондент газеты «Вперед» А. Маслаков сфотографировал комсомольский экипаж лейтенанта Ходжаяна, и газета поместила этот снимок с такой надписью: «Хорошо дрался с гитлеровцами в недавних боях танковый экипаж гвардии лейтенанта Ходжаяна А.А. На снимке слева направо: командир машины гвардии лейтенант Ходжаян А.А. — награжден орденом Красной Звезды, механик-водитель старший сержант Чубаркин Н.В. — награжденный орденом Славы III степени и медалью „За отвагу“, радист гвардии сержант Зайцев А.Г. — награжденный медалями „За отвагу“ и „За боевые заслуги“, командир башни сержант Остапов Т.Н. — награжден двумя медалями „За отвагу“». Экипаж лейтенанта Ходжаяна был некоторое время в полку именинником. Газету с фотографией мы послали на родину каждого с просьбой поместить в местной газете под рубрикой: «Так воюют наши земляки». Газету «Вперед» ждали еще и потому, что она периодически печатала списки награжденных. Подчас из газеты о наградах узнавали раньше, чем по командной линии. Приказ еще до полка не дошел, а газета уже его опубликовала. Многие уже знали, что представлены к награде из заявлений командиров, листов-молний и писарей штаба,

поэтому ждали награждений. Награжденные пользовались большим почетом. Награды говорили об опыте, умении воевать, о героизме обладателя награды. Газета «Вперед» поместила статьи о воинах полка, старшем лейтенанте Доронине — Герое Советского Союза, о лейтенанте Хижняке, о старшем лейтенанте Барабанове, о сержанте Савельеве и других. Полк располагался в лесу на окраине с. Яблуневка, Тернопольской области. Продолжалась повседневная боевая учеба. Ждали пополнения в личном составе и танков. Заместителем командира полка по политчасти был назначен майор Терновский. Тихий, спокойный, без командирских навыков, обходительный при обращении человек. Задания мне давал очень редко. Я его информировал тоже не часто. Главное было в информации, как идут дела в комсомольских организациях рот. Обязанности парторга полка в основном сводились к комсомольским рекомендациям при вступлении в партию. При приеме в партию нужно было две рекомендации от членов партии, если вступал комсомолец, третья рекомендация была от комсомольской организации. Комсомольцы с большим желанием и даже с гордостью вступали в партию.

В полк для чтения лекций прибыл лектор политотдела армии майор Лившиц. Он прочитал лекцию об украинских националистах. Ему был известен и бой у села Романцево. Мы дислоцировались там, где очень активно действовали украинские националисты. Вывод из лекции был один: надо было быть особенно бдительными и боеготовыми в случаях провокаций. Особенно надо быть осторожными при общении с местными жителями. После лекции майор Лившиц решил пообщаться с солдатами, сержантами в неофициальной обстановке. Его сопровождать поручили мне. Он интересно вел беседы. Создавалась непринужденная обстановка. Мне интересна была манера разговора с людьми. Позже мы встречались неоднократно.

После боя в с. Дубки полк, оставив заслон в селе, устремился в Каменец-Подольский. В городе у немцев были большие силы: 85 танков, 62 орудия, около 10 тысяч солдат и 300 пулеметов. Бои стали принимать затяжной характер. Нужно было форсировать очень коварную реку Смолчич. Благо, что саперы успели разминировать старый мост. Внезапно бригаду и в ее составе наш танковый полк повернули назад к селу Оринино. Там личный состав штабов 4-й танковой армии и 6-го гвардейского механизированного корпуса вели бои с отходящими от г. Проскурова немцами, которые стремились выйти из окружения. После стабилизации положения в селе Оринино полку в составе бригады приказано было наступать в направлении Залещики, Коломыя.

Время переформирования подходило к концу. Мы получили танки, пополнился полк и личным составом. Знакомство с пополнением, сколачивание экипажей и очень напряженная учеба.

Мне поручили интересную работу. В полк приходило очень много писем. Письма были не только от родных, близких, любимых, но и с простым адресом «Фронт. Смелому танкисту», «Лучшему солдату», «Герою-танкисту», «Лучшему воину», «Орденоносцу» и другие адреса в том же ключе. Писали в большинстве девушки. Были письма от школьников, от трудовых коллективов. Вот я и был тем почтальоном, который вручал эти письма. Читали, как правило, в экипажах, во взводах и там решали, кому отвечать. Письма от коллективов читались на собраниях рот, больших взводов. Было много случаев, когда завязывалась переписка, обменивались фотографиями. Устанавливалась крепкая дружба. Я уже писал, что у танкистов было не просто товарищество, но и крепкая дружба. Между собой делились самым сокровенным. Радость и боль — все пополам. Были письма и о неполадках дома. На такие письма реагировало командование полка. Были и казусные случаи. Обратился ко мне механик-водитель сержант Иванцов с просьбой помочь, ибо не знает, что делать. Поговорил он с ребятами из экипажа, те посоветовали обратиться ко мне. Суть вопроса. Он получил письмо от девушки. Адрес его, а само письмо какому-то Виктору. Он ни с кем не поделился. Переживал в одиночестве. У него же была первая любовь. Получил второе письмо и раскрылся перед экипажем. В письме были такие стихотворные строки: «Он в шинели серенькой стал совсем другой, и любимой девушке больше он не нравится, ей другой понравился парень молодой». Беда у парня. Пошли мы с ним потолковать и с экипажем по этому письму. После бурного разговора и советов решили письма продолжать писать, даже фотографию послать. Сержант Иванцов был позже ранен, уволен из армии по ранению. Женится на медсестре в госпитале и вернулся домой с женой.

Удар для той девушки был очень болезненный. Сержант описал все это в письме ко мне, поэтому этот эпизод и врезался в мою память. Таких казусных писем было не много. В посылках чаще всего были носовые платки, носки, рукавицы, туалетные принадлежности, табак, кисеты и другие вещи для обиходной жизни. Внимание тыла к фронтовикам было не просто заботливым, оно было нежно-внимательным. Учеба, тренировки дали свои результаты. Полк был готов к выполнению боевой задачи. Приказано выйти в ожидаемые районы.

Львовско-Сандомирская операция

Полк сосредоточился у села Великий Гай на опушке леса. Офицеры получили топокарты района предстоящих действий. Загружены боеприпасы, на кормах танков бочки с соляной, бревна для самовытаскивания, в общем, все необходимое. Проведены комсомольские и партийные собрания. Они были открытыми, т. е. на них присутствовал почти весь личный состав. На собраниях были поставлены вопросы: о задачах на предстоящие бои и о приеме в партию на партсобраниях, приеме в комсомол на комсомольских. Если прием в партию был многочисленным, то прием в комсомол единичным. Молодежь и в полку, и вновь прибывшие в большинстве своем были уже комсомольцами. К коммунистам молодежь относилась с большим уважением. Подчас слово коммуниста было не менее значимым, чем командирское. В партию шли не ради карьеры, а по зову сердца. Молодежь видела, как воюют коммунисты, и стремилась быть похожей на них.

Нам была поставлена задача — войти в прорыв, который сделает пехота. На нашем направлении стрелковые части прорвать оборону не смогли. Прорыв был сделан у соседей, где должна войти 3-я танковая армия. Коридор был сделан 8-12 км шириной. 3-я танковая армия вошла в оперативную глубину. Нас тоже решили пустить по этому коридору. Путаницы было много. Тылы 3-й танковой армии, наши части сгрудились у г. Золочев. Пехота занималась ликвидацией окруженной бродовской группировки. Немцы и эсэсовцы дивизии «Галичина» отчаянно сопротивлялись. Немцы стремились во что бы то ни стало закрыть коридор. Наш полк в составе бригады сразу не смог войти в прорыв. Пришлось отбивать контратаки противника, который стремился закрыть коридор. Заместитель по политчасти майор Терновский сказал, что в РТО два танка на ремонте. Командиры танков необстрелянные. Младшие лейтенанты, только из училища. Мне было поручено после ремонта взять их под свою опеку и догнать полк. Полк в это время, отбив контратаки, ушел в оперативную глубину. Наш маршрут по направлению Львова с юга. К утру танки были на ходу, и под моим началом стали догонять полк. На окраине Золочева танк нашего полка ремонтировался ремонтной бригадой нашей роты техобслуживания. Автоматчики, которые были на танке, грелись на солнышке. Остановились и общими усилиями неисправность устранили, и уже три машины продолжили путь. Дорога по условиям местности метров на 200-300 простреливалась противником. Мы на больших скоростях проскочили поворот на г. Перемышляны градусов под девяносто. Это был поворот на маршрут полка. Последняя машина на повороте остановилась. Порвалась гусеница. Оставив машины, я бегом к третьей машине, чтоб уяснить, что произошло. Подходя к танку, увидел два «Виллиса» и узнал в одном из выходящих командующего нашей армии генерала Лелюшенко. Доложил, кто я и какая у меня задача. Генерал был рассержен. Их машины тоже обстреляли, а тут дорогу загородил танк. Он потребовал у меня карту и на ней собственноручно нанес маршрут и поставил задачу. Первое: как можно скорее освободить дорогу. Второе: двигаться по намеченному маршруту. Обходить населенные пункты и узлы сопротивления. Перерезать шоссейную дорогу Львов — Самбор и держаться до подхода главных сил. С первым заданием справились быстро. Заменяли траки-гусеницы и освободили проезд. Командующий уехал, а мы еще до нормы довели гусеницы и продолжили путь к г. Перемышляны, обходя его стороной — там шел бой. Двигались ускоренно. В населенные пункты не входили. Но Старое Село, которое находилось на нашем маршруте, обойти было нельзя. Маленькая речушка, а мост через нее только в селе. Тут на грех в одной машине забарахлил мотор. Ремонтники стали исправлять неполадку. В одном из домов шла свадьба. К нам подошел пожилой мужчина — жених и совсем молоденькая невеста. Мужчина был со стаканом самогонки. Предложил мне выпить за новобрачных. Я сказал, что одному пить нельзя. Он отдал стакан невесте, а сам пошел за вторым стаканом. Невеста с дрожью в голосе сказала: «Уезжайте

скорее, они из УПА (Украинская повстанческая армия)». Я вылил стакан самогона на землю. Нас из дома видно не было. Нас прикрывал танк. Пришел жених со стаканом. Я сказал, что уже выпил. Он покосился на невесту. Я перед его приходом успел дать команду: «К бою». Танкисты помаленьку стали поворачивать башни. Ремонтники доложили, что неисправность устранена, и мы двинулись дальше. Благодаря девушке-невесте мы избежали возможных эксцессов.

Вскорости мы вышли к дороге, к нашему конечному пункту. По дороге двигалась большая колонна машин. В голове колонны танк. Мы сразу развернулись и открыли огонь. Головной танк мы подбили сразу. Он задымил. Еще один танк замыкал колонну. Его мы не заметили. Он поджег танк младшего лейтенанта Мещерского. Экипаж погиб. Обнаружив замыкающий танк, мы с двух танковых орудий подбили его. С открытого места отошли метров на 200-300 на опушку леса и начали расстреливать колонну. На опушке небольшая насыпь, вроде бруствера. На этом бруствере поставили пулеметы, снятые с танков (лобовые). Откуда-то появился бронетранспортер и два взвода автоматчиков-немцев. Двинулись на нас в атаку, непрерывно строчили из автоматов. Я был за пулеметом. Крик о помощи. Кто-то ранен. Оставил стрелка за пулеметом. Побежал на зов, в это время обожгло левую ногу. Добежал до раненого. Там не было ничего страшного. Перевязал себя. Пуля прошла навывлет в нижней части бедра, не задев кость. В общем, мы эту атаку отразили и продолжали жечь машины в колонне. Колонна немецких машин была примерно до километра в длину. Дорога была забита горящими машинами. Мы ползадачи выполнили. Теперь осталось держаться и ждать подхода своих. Знали бы немцы, что нас горсточка, наверняка бы смяли. Мы слышали западнее за лесом непрерывный гул машин. Это, возможно, немцы отходили на юг от Львова, боясь окружения. Нас больше немцы не тревожили. Занялся своей раной. Обработал, засыпал стрептоцидом. Забинтовал. Я уже говорил, что я, помимо сумки с комсомольскими бумагами, носил медицинскую сумку со всем необходимым для оказания помощи при ранениях. Поэтому в полку меня продолжали звать комсомольским доктором. Итак — третье ранение.

Стояли у дороги два дня. Ждали. Полк в это время вел тяжелые бои во Львове. После боя за Перемышляны полк вошел во Львов. В Перемышлянах погиб заместитель командира полка подполковник Григорьев — любимец полка, наш «батя». Немцы во Львове оказывали сильное сопротивление. Наша бригада вела бой за железнодорожный вокзал. Он переходил из рук в руки пять раз. Бронепоезд, который курсировал от станции Подзамче до главного вокзала, помогал немцам отражать все наши атаки. Старший лейтенант Барабанов на танке по серпантину Высокого Замка забрался на одну из смотровых площадок и прямой наводкой расстрелял бронепоезд. Это решило исход боя за вокзал. В общем, полк был втянут в затяжные бои и не смог выйти к нам. У нас с полком связи не было. На второй день через РТО связались с полком. Получили команду прибыть на юго-западную окраину г. Львова. По прибытии доложил о задании командующего и результаты его выполнения. Рассматривали карту и подпись Лелюшенко. У них вначале была мысль, что я с танками где-то застрял. Во Львове простояли сутки. Приводили себя в порядок. Прочитали благодарственный приказ Сталина и о салюте в честь освобождения Львова. В госпиталь пришлось все же съездить. Там сделали квалифицированную перевязку, и я вернулся в полк. Дали справку о ранении. Моей левой ногой не везло — два ранения. За бой по выполнению приказа командующего армией генерала Лелюшенко я был награжден орденом Отечественной войны II степени. Это была третья награда.

Поступил приказ о дальнейшем наступлении. Ближайшей задачей было освобождение г. Старый Самбор и в дальнейшем выход к г. Добромыль, далее на г. Санок. Попытка с хода ворваться в город не увенчалась успехом. Причин было две. Первая — г. Старый Самбор был крепким узлом сопротивления немцев, а второе — перед городом протекал ручей, или маленькая речушка, которую танки преодолеть не смогли. Несколько машин застряли. Одна машина даже уткнулась стволом пушки в землю. Отошли на исходное. Это была южная окраина села с высокой заводской трубой от кирпичного завода. Мы еще любовались тем, как на вершине трубы свили гнездо аисты. Завод, наверно, давно не работал. Под вечер на северную окраину села подвезли много реактивных снарядов в деревянных решетках каждый, их устанавливали под определенным углом. Мы слышали о так называемых «Андрюшах», но запуск и действие их не видели. Пошли посмотреть. Их было 306

штук, установленных в одну линию. За ночь вытащили застрявшие танки, привели их в боеспособность. В восемь утра начался запуск «Андрюш». Скорость полета их была небольшой. В небе они гудели, как шмели. Один снаряд обгоняет другой. Шли как наперегонки. Некоторые летели вместе с деревянными решетками. По словам пленных, про такое немцы говорили: «Рус-Иван сараями бросается». Два снаряда в воздухе столкнулись между собой и упали около кирпичного завода. От взрыва крыши близлежащих домов сорвало, не говоря уже о выбитых окнах и дверях. Удивление вызвало то, что аисты как сидели на трубе в гнезде, так и не пошевелились. Потом только крыльями как будто отряхивались. Полк с десантом пошел в атаку. Сопротивления практически не было. Оборона немцев, да и сам город были разрушены. Дальше путь в горы на г. Добромыль. Прав был маршал Конев И.С., который сказал, что тот, кто не воевал в горах, тот не знает всех тягостей войны. Дороги идут по лощинам, а ближайшие высоты заняты противником. Пока не уничтожишь противника на высотах, двигаться дальше невозможно. Так медленно и продвигались, выкуривая немцев с высот. Вышли на плато. Открылся путь на Санок, но дальше не пошли. Приказ: в темпе совершить марш на Сандомирский плацдарм.

Немцы прилагали максимум усилий, чтобы отбросить наши войска за р. Висла. Немцы наступали. Мы с ходу контратаковали и отбросили немцев на исходные позиции. Заняли оборону у села Бордо. Я был на наблюдательном пункте полка. Пошел в роты. Сообщили о тяжелом ранении командира полка. При минометном обстреле командиру полка майору Ходоричу К.В. попал осколок в пах. Остановить кровотечение не удалось, и он скончался. Я уже писал, что майор Ходорич имел большой авторитет в полку. С ним непосредственно связаны успехи полка. Вот один из примеров его бесстрашия и стремления выполнить поставленную перед полком задачу. В одном из боев танкисты дрогнули. Командиры танков, молодые необстрелянные младшие лейтенанты, вместо быстрого преодоления обороны противника делали движение вперед, затем задним ходом назад и так туда и обратно. Бой мог быть проигранным. Майор Ходорич взял знамя полка, развернул его и с развернутым знаменем в своем танке пошел в боевые порядки. Вырвался вперед. Все танкисты за ним, и оборона немцев дрогнула. После боя командирам танковых рот сказал, что они должны вести роты, а не пятиться. Таких эпизодов у него было множество. С НП все начальники, кто должен быть на НП, ушли проститься с командиром полка Ходоричем. Я был в роте. Когда пришел на НП, там были связисты, начальник боепитания лейтенант, к сожалению, не помню фамилию, и командир танка младший лейтенант Пудов с экипажем. На их танке была повреждена пушка. Что-то нужно было делать. У танкистов кончались боеприпасы. Я и начальник боепитания попросили как можно быстрее подвезти боеприпасы. Показал, куда могут подъехать машины. Доложил на КП, что пока тихо, что начальник боепитания подвезет боеприпасы. Получил приказание быть на НП и докладывать об обстановке. Зная обстановку на передовой, что там мало танков и автоматчиков, я оставил младшего лейтенанта Пудова на НП. Сняли с танка пулемет стрелка-радиста и с экипажем ушли на передовую. За ночь закопали танки так, что над землей только башня, автоматчики дооборудовали траншеи. Прибыли боеприпасы. До полуночи танкисты и автоматчики подносили и загружали боеприпасы. Радостное настроение оттого, что есть полтора боекомплекта. В 8 утра немцы начали атаку. Три бронетранспортера и автоматчики. Было непонятно, что это. На серьезную атаку не похоже. Два бронетранспортера подбили. На этом их атака закончилась. Мы посчитали, что это разведка боем. Начали готовиться к серьезному бою. По радиации сообщили Пудову, что немцы небольшими силами атаковали, атаку отбили, чтоб сообщил на КП. В три часа, после артиллерийского налета, немцы пошли в атаку более крупными силами. Несколько бронетранспортеров и много пехоты. Бронетранспортеры с танковых пушек быстро подбили, а пехота по-нахальному лезла вперед. Огнем прижимаем к земле, а они через некоторое время вскакивают и идут вперед. Так было несколько раз. Последняя атака была буквально перед нашими позициями. Слышим отборный русский мат. Поняли, что впереди власовцы, а сзади немцы. Немцы откатились назад. По всему было видно, что противник выдохся. Перед окопами было много трупов. На этот раз я поработал за пулеметом. Меня и на этот раз задело. Спас орден Красной Звезды. Я уже говорил, что в полку награды в период боя носили на внутренней стороне кармана гимнастерки. Пуля попала в луч ордена и по касательной прошла по груди. Разорвал пакет (ИПП) и без бинтовки положил на рану. По окончании боя пошел

на НП. Разделся, обработал рану. Младший лейтенант Пудов помог наложить повязку. Рану нельзя назвать царапиной, но и по глубине до ребер не дошла. Это было четвертое ранение. После боя напряжение спало. Доложил на КП о результатах боя. Лег и сразу заснул. Предыдущую ночь было не до сна. Утром на НП пришел майор в кителе при орденах. Представился, сообщил, что он назначен командиром полка. Это был майор Курцев Б.В. Я доложил, кто я и что было на передовой за прошлый день. Он спросил, как пройти к танкистам. Я ответил, что есть два пути: один по ложине, но он длинный, второй короткий через высоту, но она обстреливается снайпером. Он спросил, где я хожу, я ответил, что хожу через высоту. Он приказал: «Веди через высоту». Пошли. На высоте нас действительно обстреляли. Я лег на землю, а майор продолжал идти. Я вскочил, догнал его и спросил, почему он не лег на землю. Он ответил, что жалко было марать мундир. Меня это показное геройство, с одной стороны, удивило, а с другой — восхитило. Представил нового командира полка танкистам и пошли дальше к следующему танку. Я уже говорил, что недалеко от окопов было немало трупов противника. Майор сказал, глядя на убитых, что хорошо поработали. Тут же спросил, где я был во время боя. Я показал окоп и сказал, что был за пулеметом. Окинул меня взглядом, и мы пошли дальше к танкам. Он уже был в курсе доклада на КП младшего лейтенанта Пудова о том, что комсорг забрал экипаж и пулемет и ушел на передовую, что там идет бой. Вернулись на НП. Там уже много народу. И кто нужен на НП, и кто не нужен. На следующий день нас сменила пехота. Мы ушли на переформирование.

Расположились в лесу недалеко от г. Климонтув. В санчасти обработали рану. Командир полка узнал о моем ранении и приказал уехать в госпиталь. Госпиталь размещался в г. Ниски. Это наш армейский госпиталь № 1000. Так его и звали «тысячный». В госпитале было все знакомо. Я был там два раза. И опять палатная сестра Аня. Через десять дней я вернулся в полк. Мы с капитаном Порамошкиным устроились в селе, метров 300 от расположения полка.

Не могу не рассказать об одном эпизоде, который характеризует роль паники вообще, а на войне в особенности. Не случайно во время войны паникеры приравнивались к дезертирам. Мы уже пару недель были на переформировании. Обустроились. Интенсивно шла боевая учеба. Налажена внутренняя и караульная гарнизонная служба. В селе, у колодца, из которого мы брали воду, выставили часового. Мы уже были в Польше, где были не только те, кто ждал нас как освободителей, но и те, кто получал приказы от лондонского эмигрантского правительства. Все шло нормально. Отношения с жителями установились хорошие. Поляки жили очень бедно. Мы во многом им помогали. Пришла в село на отдых пехотная часть. Солдаты вели себя развязно. У колодца случился инцидент. Солдаты решили прогнать часового. Тот успел дать выстрел вверх. Его избили, отобрали автомат. На выстрел среагировал дежурный по полку старший лейтенант Куруленко. Прибежал в село. В это время солдаты расправлялись с часовым. Пытался навести порядок — не удалось. Старшему лейтенанту досталось несколько тумачков. Он вернулся в расположение полка, сел в танк и на танке в село. Разогнал толпу у колодца. Среди пехотинцев началась паника, крики: «Танки!», «Спасайся!». Большинство пехотинцев, не зная в чем дело, стали бежать из села. Панике подвергся и штаб части. Генерал, который остановился в одном из домов на окраине села, тоже струсил и ускакал из села на неоседланной лошади. Конечно, этот инцидент не остался без последствий. Пехотинцы вздумали характеризовать случившееся как нападение пьяных танкистов на танках на стрелковую часть. В полк прибыл следователь армейской прокуратуры. Разобрался. Еще до появления следователя командир полка наложил взыскание на старшего лейтенанта Куруленко за самовольный вывод танка из парка. На этом инцидент и был исчерпан. Воздействие паникеров на толпу, если она не организована, очень большое.

Я уже говорил, что в полку во время боев алкоголь не употреблялся. Это стало традицией. На переформировании перед обедом наркомовскую норму употребляли, хотя хозяйственная часть водку не выдавала. Пьянок не было, но спирт помаленьку пили. В полку, вернее в РТО, спирт был всегда, а в ходе боев запасы пополнялись. Вот этими запасами офицеры-ветераны и пользовались. Командир полка и заместитель по политчасти вызвали к себе агитатора полка капитана Порамошкина, парторга полка старшего лейтенанта Розенфельда и меня — комсорга полка. Дали

задание найти запасы нелегального спирта. Мы с капитаном Порамошкиным знали всю эту спиртовую подноготную, иногда и сами пользовались. Поэтому мы с ним ничего не нашли. Розенфельд нашел. Он в полку и без этого не пользовался авторитетом. В период боев он коротал время в хозяйственной части, а после случая со спиртом его просто возненавидели.

Получили пополнение. Танки с экипажами и немного солдат. Началась уже испытанная работа по боевой и политической подготовке экипажей и вновь прибывших во взводах и ротах. В пополнении были и солдаты двадцать шестого года рождения. Такие же «желторотые», какими в свое время были и мы. Им было уделено особое внимание. Некомсомольцами были единицы. Формировались заново экипажи. Создавались комсомольские или партийно-комсомольские группы во взводах. Укреплялись комсомольские и партийные организации в ротах. Проводились политзанятия, политинформации, беседы. В целом-то и без особых мероприятий патриотический настрой был очень высокий. Стремление у всех было одно: скорее в бой. Немцев громили на всех фронтах. Сводки «Совинформбюро» были самыми желанными в радиопередачах и беседах. В тылу налаживалась жизнь, особенно на бывших оккупированных территориях. Об этом красноречиво говорилось в письмах от родных и близких. Мой приход в роты всегда сопровождался возгласом: к нам комсомольский доктор пришел, что нового? Прибывшее пополнение осознавало, в какую часть они прибыли, и становились членами нашей общей полковой семьи. В полку была всегда радость, когда из госпиталей возвращались наши старожилы. Они вносили дух гордости за полк, за командиров. Они были главной опорой в боевой учебе и в политико-просветительной работе. Мы умело использовали их опыт.

Висло-Одерская операция

Период формирования заканчивался. Пришел приказ о готовности к выдвигению в районы сосредоточения. Получили топокарты предстоящего района действий. В полк прибыл новый партторг полка — майор Попов. Серьезный, общительный и высокообразованный офицер. Он очень быстро сошелся не только с коммунистами, но и со всем личным составом. Быстро вписался в полковую семью. Старший лейтенант Розенфельд за неделю до боев вдруг оказался ограниченно годным к службе и убыл из полка. В полку никто о нем не жалел. 10 января 1945 г. командир полка поздравил меня с присвоением звания старший лейтенант. Теперь уже без приставки «медицинской службы».

11.01.45 г. поступил приказ о выдвигении в районы сосредоточения. На этот раз мы были очень близко к переднему краю. Сзади нашего расположения стоял полк «катюш». Погода испортилась. Пошел снег хлопьями. Мы, сидя на танках, шутили, что небеса нам дали театральную погоду. «Катюши» начали артподготовку. Она была такой сильной, стоял такой грохот, что голос рядом стоящего слышно не было. Артподготовка продолжалась очень долго. Трудно представить, чтобы после такого артиллерийского ада могло что-то выжить. Пехота прошла после артподготовки первую полосу обороны противника. Почти без сопротивления за ней сразу двинулись мы. Обошли ее и вошли в оперативную глубину. Через километров шесть-восемь, проходя полосу обороны немцев, окопы были не заняты, наткнулись на минное поле. Танки командира полка и начальника штаба прошли, а третий танк, на котором был я, подорвался, хотя шли след в след. Тех, кто был на танке, оглушило, а механика-водителя сержанта Полташевского контузило. Колонна остановилась. С конца колонны вызвали танк-тральщик. Он подорвал семь мин. Пока работал тральщик, на подорвавшемся танке сменили несколько траков. Мина разбила гусеницу и немного повредила каток. Танк был на ходу. Вместо контуженного механика за рычаги сел заряжающий. Во время учебы на переформировании вопросу взаимозаменяемости уделялось очень большое внимание. Каждый член экипажа мог заменить товарища по экипажу. Сержант Полташевский был командиром орудия, но в этот момент подменял механика-водителя.

Танки двинулись строго след в след. Полк на больших скоростях шел в сторону г. Кельце. Полк был в передовом отряде нашей армии. Из-за большого расстояния связи со штабом корпуса и армии не стало. Нужно было доложить об обстановке и получить распоряжение на дальнейшие действия. Командир полка, указав примерное расположение штаба армии и корпуса, отправил командира

своего танка лейтенанта Быкова с донесением. Проходя один из населенных пунктов, он услышал шум приближающихся моторов. Свернул в переулок. По дороге шла колонна немецких танков. Лейтенант Быков пропустил первый танк, а потом расстрелял в упор 6 танков немцев. По переулку ушел от возможного преследования немцев. Нашел штаб армии, сдал донесение. Получил распоряжения и вернулся в полк. Лейтенанту Быкову было присвоено звание Героя Советского Союза. Перед г. Кельце полк в одном из сел столкнулся с большой группой немцев. Завязался тяжелый бой. Немцам нанесли поражение. Подбили несколько противотанковых орудий. Понесли потери и мы. Два танка были подбиты. Тяжело ранен командир танковой роты старший лейтенант Доронин. Пройдя с боем село, полк продолжал движение в сторону Кельце. В г. Кельце мы вошли поздним вечером. Немецкий гарнизон застали врасплох. Немцы бежали так быстро, что оставили целехонькие танки Т-V «Пантера». На трех танках даже не было выключено внутреннее освещение. Мы внимательно осмотрели эти машины. Внутри простору больше, чем в наших танках. Удивление вызвало то, что на танке была только пушка и больше никакого вооружения. Они же беззащитны в ближнем бою с пехотой. Горючего для них у нас не было. Они на бензине. Вывели на танках из строя и мотор, и пушку, чтобы ими не смогли воспользоваться находящиеся в нашем тылу отступающие немецкие части. Поляки, несмотря на темноту, стали растаскивать муку с немецкого мучного склада. Мучная копоть стояла как туман. За освобождение г. Кельце командир полка майор Курцев стал Героем Советского Союза. Не задерживаясь в городе, пошли на Петракув. Сопrotивления не было. Мы были в глубоком тылу противника. Скорости были большие. Остановились лишь для того, чтобы заправить танки. Бочки с запасом горючего были на каждом танке. Петракув обошли, не заходя в город. На окраине города примерно в 1-1,5 км обратили внимание на несколько штабелей. Оказалось, это были трупы, сложенные крест-накрест, как дрова. Возможно, где-то недалеко был концлагерь, и трупы фашисты подготовили для сожжения.

Путь на Лодзь был открыт. Заняли восточную окраину г. Лодзь. Это был вечер. Ночь прошла спокойно. Утром к нам прибыли командир корпуса полковник Орлов и командир бригады полковник Ривж на танках со своими свитами. Совещались. Я находился в танке в одной из рот. Обратил внимание на колонну, которая двигалась по дороге параллельно нашему расположению. Посмотрел в прицел. Это были немцы. Я подбежал к начальству и доложил, что перед нами немцы. Полковник Орлов выругался. Обозвал меня паникером и сказал, что это 49-я механизированная бригада, которую он вызвал сюда. Мне приказал бежать к колонне и привести ее сюда. Я вздумал сказать, что это немцы. Он покрыл меня матом и сказал: бегом, иначе расстреляю. Ничего не оставалось делать, как бежать в сторону немцев. Метров через 200 лег, чтоб осмотреться. Немцы в это время развернулись в атаку. Развернули орудия, которые были в колонне, и открыли огонь. Несколько бронетранспортеров и пехота пошли в нашу сторону. Наши танки с места открыли огонь. Я оказался под огнем с той и с другой сторон. По-пластунски, кое-где перебежками добрался к своим. Немецкую атаку отбили. Послали танковую роту поработать огнем и гусеницами над остатками немецкой колонны. Я подошел к начальникам и остановился метрах в пяти. Полковник Орлов посмотрел на меня как на пустое место и не сказал ни слова. Я ушел. Мой подход к начальникам, наверно, для того и был, чтобы как-то доказать свою правоту.

Не могу не остановиться на резкости, вернее на грубости, некоторых больших начальников, вседозволенности в их поведении. Маршал Жуков Г.К. — заместитель Верховного Главнокомандующего Сталина, был резок, груб и жесток с подчиненными. Многие большие начальники брали с него пример, хотя далеко не все. У фронтовиков большим уважением пользовались Рокоссовский, Говоров, Рыбалко и другие. Солдатский телеграф был быстрее и надежнее всякого официального. С пополнением приходили фронтовики с разных фронтов и армий. Делились о прошлых боях и о начальниках. Так складывалось впечатление о тех или иных командирах. Полковник Орлов, который сменил генерала Акимова, человека с большой буквы во всех отношениях. Тактичный, умеющий выслушать подчиненных, не терпел грубость. Командующий 4-й танковой армии генерал Лелюшенко орал. Пример брал в обращении с подчиненными с маршала Жукова. Не надо путать полководческий дар маршала Жукова и его обращение с подчиненными. Резкость и грубость были в основном в верхних эшелонах командования.

Командиры бригад, полков, батальонов были в основном внимательными и заботливыми к подчиненным. Они были близко от солдат в период боев. Понимали, как тяжел труд солдата-фронтовика. Таким был командир нашей механизированной бригады полковник Ривж, командиры нашего полка майор Ходорич, майор Курцев и др.

К г. Лодзь подходили части 1-го Белорусского фронта. Город входил по разграничительной линии между фронтами в полосу 1-го Белорусского. Наш полк с десантом совершил марш назад на Петрикув в полосу наступления 1-го Украинского фронта. От Петрикува на запад к Одеру. К реке Одер подошли вечером 21 января у г. Кебен. Скорости наступления были очень высокими. Такого быстрого продвижения войск военная история еще не знала. За девять дней пройти расстояние в пол-Польши и треть Германии. Восточный берег реки пологий. К берегу почти вплотную подходил сосновый лес. Западный берег обрывистый. По данным разведки, по берегу были двух-, трехъярусные укрепления. Саперы быстро соорудили плоты. В полночь взвод разведки и взвод саперов под командованием командира взвода разведки старшего лейтенанта Ильина получили задачу:

1. Переправиться через р. Одер на 2 плотях, желательно без шума.
2. Разведать места для причаливания плотов с танками.
3. Разведать обстановку в г. Кебен.

Я получил разрешение отправиться с разведчиками. Переправились тихо. Река, на удивление, была спокойной. Укрепления были не заняты. Саперы все подходы заминировали. Г. Кебен освещен. В кафе и барах было веселье. Разведчики нагнали страху. Немцы бежали. Организованных войск в городе не было. Саперы выбрали место причала. Оно практически было готово. К реке проложена дорога, как везде в Германии с твердым покрытием. Командир разведвзвода подошел ко мне и сказал: «Комсорг, рация в период переправы намокла. Связи нет. Переправься к нашим и доложи, что и как, а мы будем держаться в городе. Вот тебе разведчик и два сапера». Мы четверо на плот — и к восточному берегу. Переправились спокойно, без происшествий. Доложил командиру полка. Здесь же был и командир бригады полковник Ривж. Полковник Ривж сразу же дал команду на переправу на плотях мотострелкового батальона. Решили с рассветом на плотях переправить танки. На большие плоты за ночь загнали два танка. Начали переправу. Немцы открыли шлюзы в районе г. Шпротау, там тоже наши вышли к Одеру. Вода поднялась. Появилась волна, кое-где льдины. От переправы танков пришлось отказаться. К 12.00 подошел пантонно-мостовой батальон. Началась наводка моста, а тут налеты «Мессершмиттов». Нашей авиации не было. Авиация к такому быстрому продвижению войск просто была не готова. У немцев же аэродромы были рядом. Весь аэродромный парк Берлина был в распоряжении Люфтваффе. Немецкие самолеты бомбили и обстреливали из пулеметов. В один из налетов был тяжело ранен командир бригады полковник Ривж. Пуля вошла в глаз и вышла в затылке. О ранении сообщили командующему фронтом маршалу Коневу И.С. Он прислал самолет. Погрузили раненого. При взлете самолет задел за провода и упал. У полковника Ривжа добавилась еще одна травма — перелом ноги. На бронетранспортере раненого доставили в медсанбат. Удивительно, но через три месяца он выписался из госпиталя и был назначен заместителем командира нашего корпуса. Мы с ним встретились через 35 лет в госпитале инвалидов Великой Отечественной войны в г. Бердычеве. Пуля прошла, не задев важных центров, но он потерял глаз. Вернемся к событиям на р. Одер. Пантонный мост навели, несмотря на бомбежку. Танки полка по нему пошли на плацдарм за р. Одер, г. Кебен был в наших руках. Переправилась вся бригада. Новым командиром бригады был назначен подполковник Махно. Немцы очухались, начали контратаковать. Мотострелки бригады отбивали атаки немцев. Очень помогал в этом артиллерийский дивизион бригады, который расположился на восточном берегу р. Одер.

Полк провел атаку танками от г. Кебен на село Штейдельвиц. Смять немцев не удалось. Потеряли два танка. Командование приказало нашему полку прорваться по флангу. Разведчики доложили, что на правом фланге северо-западнее г. Кебен немецких сил немного. Получили приказ — прорвавшись через оборону немцев, зайти в тыл противника и овладеть селом Брейдельвиц. Это село километрах

в пяти западнее от с. Штейдельвиц. В ночь на 25 января полк пошел на прорыв с ротой десанта. Во время боя был ранен командир полка Курцев, когда он стоял в своем бронетранспортере. Полк тогда получил пять новеньких колесных бронетранспортеров. Я был в другой машине. Меня позвали. Полковые медики были где-то сзади. Я осмотрел рану, касательная в живот, пулевое, непроникающее ранение. У меня, как всегда, все необходимое с собой. Наложил повязку. Командир полка задавал один и тот же вопрос: «Ну, что там?». Я успокаивал. Говорил, что через неделю будет в полку. На его бронетранспортере отправили в тыл. Полк прорвал оборону немцев и, обходя село Штейдельвиц, устремился к с. Брейдельвиц. По пути разгромили немецкий полк 105-мм пушек. Всего 24 орудия, они как раз разворачивались для занятия огневых позиций. Не уничтожь их, они бы наделали нам больших бед. В 2 часа ночи заняли село, хотя и не полностью. Бой не утихал. Немцы очухались. Им подошло подкрепление. Немцы контратаковали и выбили нас из села. Мы отошли метров на 300 от села и обосновались в 2-этажном кирпичном доме. Наши потери были большие. Погибли наши герои Советского Союза: командир роты старший лейтенант Олишевский, командир взвода старший лейтенант Гусев и командир орудия — наводчик сержант Савельев. Остался один танк, и тот с поврежденной пушкой. В доме оказался и командир бригады подполковник Махно. Он, наверное, был с мотострелками. Немцы окружили нас. Обстреливали, но решительных действий не предпринимали. Командир бригады вышел из дома, и тут его настигла пуля. Касательное ранение, чуть выше лба. Кости черепа целы. Мы с сержантом Полташевским стали комбрига перевязывать. Он стал кричать, чтоб его срочно отправили в тыл, показывая на танк. Я пытался объяснить, что мы в окружении. Объяснения не подействовали. Крик усилился, вплоть до угрозы расстрела. Мы с сержантом Полташевским переглянулись, прекратили перевязывать и перебрались в дом. Комбриг тоже перебрался в подвал, где скопилось много раненых. Меня тоже немного зацепило. В период боя в селе осколок попал в правую ногу, чуть повыше колена. Рана небольшая. С такими ранениями фронтовики в тыл не уходили. В доме нераненых осталось около 20 человек. Нас выручали артиллеристы бригады. Они вели огонь по окраине села и по дому. У нас кончались боеприпасы. Немцы кричали «Иван капут», «сдавайтесь». Положение становилось аховым. Два офицера, из бригадных, сняли с себя погоны и начали жечь документы. Реакция была такой, что их чуть не придушили. У артиллерийских корректировщиков были позывные артиллерийских частей корпуса. Капитан Мосягин, он уже был заместителем начальника штаба полка, приказал радистам-артиллеристам вызвать огонь на себя. Вызов огня принял корпусной дивизион «катюш». Последовал залп. Снаряды легли на окраине села метрах в ста от нас. 2-й залп пришелся по скоплению немцев. Один снаряд угодил в дом. Всякое на войне видеть приходилось, но такого ада даже трудно представить. Все горело, все взрывалось, все стало черным. Дым и гарь заволокли все небо. Досталось и тем из нас, кто был у стены, в которую попал снаряд. У капитана Мосягина спина была как решето. 13 осколков, но не от снаряда, а от кирпичей и штукатурки. Тяжелых ранений не было. Но шкура была попорчена основательно. Пришлось обрабатывать не ранки, а всю спину. У меня в резерве остались только йод и перевязочные пакеты. Пока обрабатывал раны, получил столько мата и проклятий. Йод по свежим ранам пек здорово. Мосягин — мужик крепкий, выдержал. Командование знало о бедственном положении, сложившемся у нас. Мотострелки бригады при поддержке танков полка, которые были оставлены в г. Кебен, и танков корпусного полка прорвали оборону немцев. На больших скоростях прошли с. Штейдельвиц и устремились к нам. Немцы начали отступать. Такого большого количества трупов в черных мундирах СС встречать не приходилось. «Катюши», артиллерия и мы поработали хорошо.

Штаб полка расположился в с. Штейдельвиц. Кто остался в живых и не был ранен, падая от усталости и напряжения, завалились спать. Я проспал 16 часов, когда меня разбудил ординарец. Он принес еду. Посмотрел на меня и с удивлением произнес, что у меня виски седые. Так я в 22 года начал седеть. Подошли общевойсковые части, и нас отвели на отдых. Простояли мы 12 дней. Получили пополнение — танки с экипажами, доукомплектовали другие подразделения. Шла проверенная опытом работа по сколачиванию экипажей, взводов, рот. Времени отведено было мало. Работа шла в быстром темпе. Партийно-просветительная работа главным образом была сосредоточена на подборе и расстановке актива. Патриотизм, вера в окончательную победу уже были в крови каждого

воина. Для коммунистов и комсомольцев задача была одна: личный пример. Я получил очередную награду — орден Отечественной войны I степени.

В полку были подведены итоги двух недель боев. Полк прошел огромное расстояние с боями и без от Сандомирского плацдарма до западного берега Одера. За эти двенадцать дней переформировки подано много заявлений о вступлении в коммунистическую партию. Вопрос о приеме в комсомол не стоял, потому что вся прибывшая молодежь была комсомольцами. Создавались комсомольские группы во взводах. Назначались группкомсорги. Очередная благодарность Верховного и очередной салют. В боях за Одерский плацдарм полк понес большие потери не только в танках, но и в личном составе. На счету полка было много уничтоженной техники и фрицев, так называли немецких солдат.

Нижнесилезская операция

В полк вернулся командир майор Курцев Б.В. Командиром бригады был назначен начальник штаба бригады подполковник Щербак. Подполковника Махно мы больше не видели. Пробыл он комбригом недолго и оставил неприятный осадок.

Поступил приказ выйти в район сосредоточения. В ночь на 8 февраля мы заняли позиции за пехотой. Началась артподготовка. Она была намного мощнее предыдущих. Впереди все взрывалось и горело. Пошла пехота, а за ней двинулись танки с десантом. Обошли стрелковые части. Пришлось преодолевать минные поля. Тральщик прокладывал путь, и танки за ними шли след в след.

Мы шли по тылам врага. Организованного сопротивления не было. Слишком ошеломляющим был удар. Вошли в оперативную глубину. При прохождении населенных пунктов сопротивлялись фольксштурмовцы. Дети 12-14 лет, вооруженные в основном фаустпатронами, и отдельные отряды гитлеровцев. Приходилось вести огонь по вторым этажам и чердакам, откуда стрелял неприятель. Так прокладывался путь. Обстреляв, разрушив дома на главной улице, уходили дальше на Запад. Особенно сильное сопротивление было в г. Гассен. Вперед пошли мотострелки очищать дома на главной улице. Дана команда вперед. Прошли метров 200, и в танк, на котором был я, другие офицеры и связисты, попал снаряд. Танку ничего, а нам, кто был на танке, досталось. Ранено было семь человек, в том числе я и сержант Холезин. Осколок попал мне в левое плечо. Второй осколок в голову. Спас танкошлем. Осколок попал в ребро танкошлема, пробил его и впился в лоб. Удар был до того сильный, что меня сбросило с танка. Перевязали меня и других. Мотострелки продолжали очищать улицу. Дождались пехоту. Подошли подразделения 112-й стрелковой дивизии. Полк с десантом двинулся дальше. Мы, раненые, тоже на броне танков. Следующий город Зомерфельд. Опять та же картина. Бой за главную улицу. Опять задержка, пока не подошла пехота. В стрелковой роте, которая подошла, фельдшер организовал медпункт. Нам, раненым, предложили остаться в медпункте. На охрану раненых, а их было немало, в основном пехотинцы, оставили танк. Пехота оставила два взвода солдат. Танки ушли в сторону г. Форста, чтоб захватить плацдарм на р. Нейсе. Такая была конечная задача полка. После ухода полка создалась критическая обстановка. Немцы, довольно организованно, с окраин заняли центральную часть города. Танк сожгли из фаустпатрона. Раненые, кто мог двигаться, стали спасаться кто как мог. Мы, четверо раненых из полка, я, заместитель командира по связи и два танкиста со сгоревшего танка, зная, что в г. Гассене наши, задворками ушли из Зомерфельда. Добрались до г. Гассена. Нашли командира стрелковой роты. Рассказали ему об обстановке в г. Зомерфельде. Он тут же внес коррективу в боевые порядки роты. Пехотинцы по 3-4 человека заняли чердаки, верхние этажи зданий, которые имели хороший обзор. Зашли в один дом. Надо было перевязать раны. В доме была перепуганная женщина. Кое-как пытались объяснить, что нам надо. Заместитель командира взвода связи — старший сержант, фамилию не помню, мы обращались друг к другу по именам, пошел в смежную комнату. Там в детской кроватке был ребенок. Он хотел дать ребенку кусочек сахара. Женщина, как тигрица, бросилась на него. Еле ее уняли. Кое-как растолковали, что старший сержант хотел дать сахар. Женщина попробовала сахар, успокоилась. Стала даже улыбаться. Нагрела воды, дала простыни. Мы разорвали их на бинты. Помылись, перевязались. Поведение этой женщины говорило о том, как на немцев действовала геббельсовская пропаганда, и как быстро исчезало запугивание, когда мирные

жители встречались с нами. Женщина к нам так хорошо отнеслась, что повела нас в дом бургомистра или партбосса. Она работала домработницей у него. Показала, где автомашина, где бензин спрятан. Мы были безмерно рады ее поступку. Старший сержант смыслил в автомашинах. Проверил работу мотора, заправил полные баки горючим. Решили на машине ехать в направлении к г. Зорау. По моим предположениям, там должны быть какие-то медучреждения. Машина «Опель-адмирал» по тем временам была очень хорошая. Проехали мы километров 10-15 от г. Гессена, увидели на шоссе немецких солдат. Разворачиваться было поздно. Я на переднем сиденье, ребята сзади, за рулем старший сержант Миша. Я сказал: «Жми Миша, как можешь». Мы шли на хорошей скорости. Солдат стоял посреди дороги. Он отскочил, едва не попав под машину. Они, конечно, увидели мой танкошлем и повязку на голове. Когда очухались, мы были уже метрах 150-200 от них. Они открыли огонь из автоматов. Мы были уже далеко, и к тому же дорога имела поворот градусов на 45-60. Проскочили.

В это время на фронте сложилась такая обстановка, что было трудно понять, кто у кого в окружении. Обстановка была типа слоеного пирога. Наши, у нас сзади немцы, потом опять наши и опять немцы, и так несколько слоев. На подъезде к г. Зорау нас обстреляли свои. Мы остановились. Подбежали солдаты с криком: «Хенде хох!» — руки вверх. Мы вышли из машины. Обложили их соответственно. Они нам показывают на флажок на капоте машины. Флажок-то был с фашистской свастикой. Тут же его и сломали. Возможно, немцы, которые встретили нас на дороге, и были введены в заблуждение этим флажком. Солдаты показали нам дорогу в медсанбат. Так мы добрались до медчасти. Нас сразу приняли. Ребятам сделали перевязки. Мне сделали операцию на плече. Хирург Вера Вербицкая мне была знакома еще со времен моей медицинской деятельности. Она долго чистила рану. Там, кроме осколка, были и клочки фуфайки. Вера сказала, что еще бы сутки без перевязки и могло быть заражение. В медсанбате мы пробыли пару дней. В это время немцы нанесли контрудар по г. Зорау. В Зорау сил для отражения удара было мало. Наша бригада, а в ее составе наш полк и другие части корпуса были отозваны из Форста для отражения контрудара противника. Пришлось пробивать этот слоеный пирог. Бои были тяжелые. При преодолении злосчастного г. Зомерфельда погиб командир корпуса полковник Орлов и его младший брат, который у него был адъютантом. Контрудар отразили. Мы, раненые, находились в палате на втором этаже окнами во двор. Когда слышишь и чувствуешь, что недалеко идет бой, ощущение совсем другое, чем когда сам участвуешь в бою. Неясность обстановки вызывала нервозность и усиливала чувство страха. Когда бои затихли, мы в окно наблюдали такую картину. Во дворе несколько генералов, в их числе был и командующий нашей армией генерал Лелюшенко, обсуждали какой-то вопрос или просто разговаривали. Вдруг с головы Лелюшенко слетела фуражка. Генералы, офицеры врассыпную. Пуля пробила фуражку и сбила с головы. Буквально через несколько минут привели немца. Ему лет 15-16. Плачет. Его отругали и отпустили. Обстановка успокоилась, и мы на своей машине, уже шесть человек, двое танкистов с нашего полка добавилось, поехали в госпиталь. Переправились через Одер. Часто останавливали патрули, проверяли документы. Один раз стояли больше часа. Пока патруль не удостоверился подтверждением о нас из медсанбата. Хорошо, что мы перед отъездом предупредили дежурного по медсанбату. В госпитале встретили нормально. Я же был в этом госпитале не раз. Разместили меня в офицерской палате на 19 коек. Вход через солдатскую палату. Там было коек 30. наших полковых набралось 13 человек. Опять палатной сестрой была наша милая Аня. Шла обычная госпитальная жизнь. Перевязки и безделье. Местных жителей почти не было. Редко увидишь старика или старуху. Ушли на запад. Больше хозяйничали поляки. На машине ребята ездили в села. Привозили компоты и другую консервированную продукцию. Привозили и настойки. Через недели две вызывает меня начальник госпиталя и требует отдать машину. Предлог тот, что раненые на ней разъезжают и нарушают дисциплину. Я отказал. Машина была спрятана. На следующей неделе начались ежедневные посещения начальником госпиталя нашей палаты. Придирки по мелочам. Мне начали сыпаться угрозы. В период одной из перевязок хирург, мой старый знакомый по прошлым пребываниям в госпитале, отослал сестру. Остались вдвоем. Он сказал, что рана чистая, рубцевание идет нормально. Посоветовал или отдать машину, или уезжать из госпиталя. Начальник госпиталя может сделать мне пакость. В тот же день наша сестра Аня принесла из штаба госпиталя мне и еще

трем раненым с нашего полка справки о ранениях. Мы уехали из госпиталя не долечившись. В госпитале пробыл около месяца. По дороге узнал, где расположился политотдел армии. Ребята на машине поехали искать полк, а я пошел в отдел кадров политотдела. Пробыл в резерве недолго. За это время в санчасти штаба армии сделали пару раз перевязки на руке. На лбу рана зарубцевалась еще в госпитале. Через несколько дней меня пригласили на беседу к начальнику политотдела армии полковнику Кладовому. На беседе присутствовал майор Лившиц. После моего доклада о прибытии Лившиц сказал, что я старый его знакомый. Беседа прошла доброжелательно. У меня спросили, где бы я хотел служить. Я ответил: «На фронте». Мне предложили должность комсорга в 55-м гвардейском танковом полку. Согласился, хотя внутренне мне хотелось в свой полк. 55-й гвардейский танковый полк входил в состав 12-й гвардейской механизированной бригады 6-го гвардейского Зимовниковского мехкорпуса.

6-й механизированный корпус и в его составе 55-я механизированная бригада были сформированы в сентябре 1942 года на Урале. 55-я механизированная бригада формировалась в г. Верхний Уфалей Челябинской области. Боевое крещение получила на юго-западе Сталинграда у населенных пунктов Аксай, Самохин, Жутов-2. 6-й механизированный корпус за героические бои за г. Зимовники, Дубовское получил звание «гвардейского» и получил номер 5-го гвардейского механизированного корпуса и звание «Зимовниковского». 55-я механизированная бригада стала 12-й гвардейской механизированной бригадой. Танковый полк бригады стал 55-м гвардейским танковым полком. Бригада участвовала в боях на Курской дуге, в знаменитом танковом побоище у села Прохоровка. После переформирования участвовала в боях за удержание Сандомирского плацдарма в Польше. В феврале 1945 года корпус вошел в состав 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Вот в такой прославленной части мне предстояло служить и участвовать в боях на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Нашел полковой командный пункт. Доложил о прибытии к новому месту службы командиру полка полковнику Журавлеву. В это время начался обстрел тяжелыми минами района КП. Оказалось, что нас обстреливают наши из 160-миллиметровых минометов. Дозвонились. Обстрел прекратился. Полк в составе бригады и корпуса буквально прогрызал оборону немцев. Задача прорвать оборону немцев и наступать в направлении городов Ратибор и Бискау. Прорывать оборону танками с малым количеством пехоты дело малоперспективное. Оборону все же прорвали. Немцы непрерывно контратаковали. Потери наши были большие. Полк потерял почти все танки. После взятия г. Леобюц нас сменили другие части. Чувствовал в полку себя неуютно. Ты никого не знаешь, и тебя никто не знает. Ощущаешь себя чужаком. Началась переформировка. Скоро стали получать пополнение танками и людьми.

Познакомился с агитатором полка капитаном Тяжких. Быстро сошлись, а потом и сдружились. Стало легче в политико-партийной работе. Те же формы и методы, но не было той сердечности и дружелюбия, как в 28-м танковом полку. Теперь он был уже 114-м гвардейским Львовским танковым полком. Я был рад присвоению звания гвардейского моим однополчанам, с которыми был вместе почти два года войны. Переформировка длилась недолго. Полк укомплектовали полностью. Информации никакой. Пошел в штаб полка. Там офицеры получали карты предстоящих действий. Мне отказали, мол, не положено. Я в резкой форме ответил, что воюю не первый год и карту имел всегда. На шум пришел начальник штаба полка. Выслушал меня и приказал выдать топокарту. Этот пример говорил о том, что значит быть вновь прибывшим. Как нелегко входить в новую боевую семью. В старом полку о подобном инциденте не могло быть и речи.

Берлинская операция

Вышли в район сосредоточения. Направление на Берлин. 16 апреля началась артподготовка. Очень сильная артподготовка была перед наступлением с плацдарма за Одером, но эта была ни с чем не сравнимая. Даже мы, находившиеся в выжидательном районе, от грохота были оглушены. Сразу же после артподготовки, вслед за пехотой, двинулись и мы. Обогнав пехоту, устремились на запад. Потом повернули на северо-запад на Лукенвальде, Беелиц, Потсдам, Бранденбург. Я тогда

ориентировался по имеющейся у меня карте. Запомнился случай в Лукенвальде. Наш танк протаранил железные ворота. Из барачков выскочило много женщин. Это женщины, согнанные из многих стран на работы в Германию. Крики, радость, слезы, объятия. Редко какой танкист или пехотинец не расцелован. Двигались мы, практически не встречая сопротивления, и в Лукенвальде мы вошли внезапно. Вечер и ночь ушли на дозаправку машин, на небольшой техосмотр и отдых. Утром 22 или 23 апреля двинулись дальше на Беелиц. На подходе к г. Беелиц столкнулись с наступающими немецкими частями, которые шли с запада на восток. Завязался тяжелый бой. Атаки немцев отбили и вошли в г. Беелиц. Заняли оборону. Немцы атаквали отчаянно. В одном из боев был ранен помощник начальника политотдела бригады капитан Иванов. Меня назначили на его место. Так я с танкистами полка не успел как следует сжиться. В полку мне стало легче после того, как на должность заместителя командира полка по политчасти прибыл подполковник Дементьев. Он, будучи помощником начальника политотдела 6-го гвардейского механизированного корпуса по комсомолу, меня знал. Но меня перевели в политотдел бригады, а Дементьев тоже переведен с повышением. В этих боях воины бригады дрались героически. лейтенант Савенко подбил 6 танков противника. Он получил звание Героя Советского Союза.

Немцы рвались в Берлин, не считаясь с потерями. В этом бою отличились командиры взводов Подкин В.А., Васин И.А., автоматчики Кияницын И.В., Масной М.С., Мельник П.Е., младший сержант Петров В.И., связист Скляр А.Г. и многие другие. Особенно отличились воины взвода ПТР. Командир взвода старший лейтенант Поздеев. На их позиции двинулись 23 танка. Пэтэровцы подбили одиннадцать. Остальные откатились назад. Проявили мужество и сноровку бойцы Александров, Середа, Соловьев, Убасов, Серегин, Орловский, Гайнутдинов, Мушер, Фомичев, Шульгин, Максимов — все они были награждены орденами и медалями.

После неудачных атак немцы на некоторое время приутихли.

Я взял солдата из разведроты и с разрешения начальника политотдела подполковника Георгиева пошел по батальонам. Это было мое первое знакомство с подразделениями. Только поздно вечером вернулся в штаб бригады. На другой день начальник политотдела сказал, чтоб я повел его по батальонам. Как раз в боях было небольшое затишье. Так весь день мы провели в подразделениях. 27 апреля начался самый настоящий штурм наших позиций. 2-й батальон оказался в окружении. К концу дня он прорвался из окружения. У нас росли потери. Я был в артдивизионе, когда немцы надели на огневые позиции дивизиона. Артиллеристы отбивались отчаянно. Тяжело ранен комсорг дивизии лейтенант Маркевич А.А. Атаку немцев отбили. В упор расстреливали их из пушек. В этом бою артиллеристы вели себя по-геройски. Командир дивизиона старший лейтенант Деревянко. Вместо вышедших из строя наводчиков становились офицеры капитан Зайцев К.К., старший лейтенант Столяр И.А. и другие. Потери были немалые. Фельдшер лейтенант медицинской службы Шалюгин П.Н. не только своевременно оказывал помощь, но и сумел наладить эвакуацию раненых.

Подошла рота из 1-го батальона. Положение улучшилось. Немцы атаквали с небольшими перерывами. Особенно тяжелые бои были 29 и 30 апреля. Немцы прорвались на окраину г. Беелиц. Захватили железнодорожную станцию. Связь с обороняющимися станцию была потеряна.

Командир бригады полковник Борисенко израсходовал все свои резервы. Остался неполный взвод разведки. Комбриг, обращая ко мне, сказал: «Комсомол, бери разведчиков, там нет командира, выбить немцев с вокзала, но главное — уяснить и доложить обстановку». Подразделения 3-го батальона оборонялись у станции упорно. Мы подоспели во время очередной атаки немцев. Командир роты ранен, но оставался в строю и руководил боем. С вокзала выбить немцев не удалось. Сил было у нас немного. Оценив обстановку, что видел сам, что рассказал командир роты, отправил разведчика с донесением к командиру бригады. К вечеру 29 апреля бой затих. Оставив разведчиков на попечение командира роты, вернулся в штаб. Доложил. Комбриг поблагодарил и приказал вернуться к разведчикам. Старшим у разведчиков был младший сержант Петров. Он как раз и был комсоргом роты. Командир бригады, посылая меня к станции, сказал, что к станции вот-вот подойдет подкрепление. 30 апреля около 8 утра немцы возобновили атаки. Вовремя подошли тяжелые

самоходки (152-мм орудия) и танки с десантом. Во время этого боя осколок попал мне в верхнюю часть груди. Сперва просто приложил подушечку из индивидуального перевязочного пакета, а после боя перевязался. Атаку отбили. Подоспевшие части погнали немцев. Связь уже была. Я доложил обстановку. Мне приказали с разведчиками вернуться в штаб. Врач управления бригады осмотрел рану, залил йодом, перевязал и сказал, что ничего страшного. История этого ранения имела продолжение. Через несколько дней на ране образовалась корочка, но осколок был в груди. Потом образовался рубец, и я на него не обращал внимания. Через лет пять или шесть на диспансеризации, на рентгеновском снимке осколок был ясно виден. Хирург сказал, что если осколок не беспокоит, то его трогать не надо. Осколок очень близко находится от кровеносных сосудов. Так прошло 18 лет. Меня с высокой температурой положили в медсанбат. Начальник медсанбата — он же хирург, сказал мне: «Зачем вы таскаете осколок в столь опасном месте. Не дай бог, что-то ударит по этому месту или еще что-нибудь — последствия непредсказуемые. Давайте я его удалю». Я согласился. Он аккуратно его удалил. Размеры: длина 12 мм, ширина 5,5 мм, толщина 1-1,5 мм специально измеряли. Долго я его берег как реликвию.

Вернемся к Берлину. Сообщения по радио и информация командира бригады были радостными. Берлин взят. 3 мая несколько офицеров штаба бригады отправились в «логово зверя». В бункер под имперской канцелярией нас не пустили, но вокруг походили, посмотрели. У разбитого Рейхстага была масса солдат, офицеров, генералов. Мы на крайней правой колонне оставили свои автографы. Каждый на свой лад. Я выцарапал: «Мы с Алтая. Козубенко». Жалко, что надписи уничтожили. Это была бы память и назидание на будущее.

Очередная награда. Орден Отечественной войны I степени. 5 мая услышали отчаянные призывы Праги о помощи. В этот день состоялась встреча с однополчанами 114-го гвардейского танкового полка (бывший 28-й танковый полк). Полк правее нас пошел на север и в г. Бранденбурге встретились с войсками Первого Белорусского фронта. По пути освободили из тюрьмы будущего руководителя ГДР Хонеккера. Встреча с однополчанами была радостной. Как будто близкие родственники встретились после долгой разлуки. Капитан Порамошкин стал майором и заместителем командира полка по политчасти. Командир полка майор Курцев просто заключил в объятия. Офицеры штаба бригады расспрашивали меня, кто это такие, с кем это я встретился. Я отвечал, что это командир полка и офицеры полка, где я раньше служил. У некоторых офицеров было некоторое недоумение. Для них было странно, что командир полка, другие офицеры обнимали, радовались встрече со мной. Я был очень рад встрече. Итак, мы двинулись на Прагу. Двигались быстро.

Освобождение Праги

Затруднение произошло в Рудных горах. Остановка. Повозки пехоты запрудили дорогу. Пробриться было невозможно. Подъехал генерал Лелюшенко и в его манере, один удар палкой по лошади и два удара по седоку, приказал ведущему танку: «Вперед». Танк раздавил одну повозку. Через полчаса дорога была свободна. Повозки какая вправо, какая влево с удивительной быстротой. После гор — долина. Вся в цвету. Ну, просто рай.

Заметили вправо от нас колонну немцев. Обстреляли. Затем танками раздавили, разогнали. Это был штаб генерала Шернера. Немцы стремились уйти на запад. В этой колонне был большой легковой автомобиль «Мерседес-Бенц». На заднем сиденье завернутый в ковер, как кукла, прятался пресловутый генерал Власов. Сообщили о находке. Его сразу забрали, отправили. Куда и как, нам было неведомо. Мы продолжали путь. Вступление в г. Кладно запомнилось встречей нас жителями. Мостовая была усыпана цветами. Танки забрасывались букетами цветов. Я был на танке. Пожилой старший сержант, ему было лет 35 (для нас он казался старым), имея на груди два ордена, медали, плакал. В тяжелых боях, закаленный, от такой теплой встречи жителей так разволновался, что пустил слезу. Мы шли как освободители. В 4-5 утра 9 мая с юго-запада мы вошли в Прагу. Остановились на окраине. Внизу река, мост и прекрасный вид на Пражский кремль. Вечером поднялась такая стрельба, что подумали — немцы прорываются на запад. Поспешил в штаб. Узнал, что Победа. Немцы капитулировали. От радости выпустили все боеприпасы, которые были в автоматах,

пистолетах. Всю ночь радость. В войне так пообвыклись, невольно где-то внутри возникал вопрос: а как же теперь без войны?

10 мая отдыхали, любовались Прагой. В 14 часов тревога. Бригада выступила в район г. Бенешув. Немцы большими и малыми группами по лесам пробирались на запад. Стычки продолжались до 13 мая. 13 мая была разбита и пленена большая группа немцев. Их было более 100 человек. 15 мая на большой поляне в лесу бригада построилась на митинг в честь Победы — окончания Великой Отечественной войны. Торжественность неопишная. Теперь до каждого дошло, что война кончилась. В Чехословакии мы пробыли недолго. В начале июня приказ на марш. Отправляемся на Родину. Мне разведчики бригады подарили автомашину — скоростной «Гономаг». На нем я и товарищи отправились на Родину. По пути заехали в концлагерь «Освенцим». Хотелось посмотреть на лагерь смерти. Картина жуткая. Печи, высокие трубы, горы пепла, ряд виселиц. Захотелось как можно быстрее уйти от этого страшного зрелища. Прибыли на Родину. Корпус разместился в г. Буск и окрестных селах. Штаб обосновался в г. Буск. Бригада разместилась километрах в пяти от г. Буск в селе Яблуновка. Приводили себя в порядок, отдыхали, развлекались. Начальник разведки, заместитель артиллерийского дивизиона, агитатор бригады и я решили на «Гономаге» съездить во Львов. Расстояние небольшое — около сотни километров. Поездили, посмотрели, посидели в каком-то кафе. По одной из главных улиц, где движение одностороннее, мы поехали навстречу движению. ГАИ во Львове работало. Нас пытались остановить. Где там. Мы вышли на трассу на Буск и добавили газу. Под Буском нас нагнали гаишники на мотоциклах. Пришлось остановиться. Ни прав на вождение, ни документов на машину у нас, конечно, не было. На фронте особая жизнь и особые условия и права. Мирная жизнь преподнесла нам первый урок. Чтоб ГАИ не поднимало шума, чтоб не было у нас неприятностей с нашим начальством, мы машину отдали инспекторам. Они смилостивились и подвезли нас на нашей (уже не нашей) машине до Буска. Так, едва начавшись, я закончился как автомобилист.

Сюрприз с машиной — мелочь по сравнению с тем, что у меня открылась рана. Львов, госпиталь на ул. Зеленая, 8. Лечение и знакомство с будущей женой, свадьба. Из бригады на торжество приехало более десяти офицеров во главе с заместителем начальника политотдела бригады майором Чариковым.

Закончилось лечение. Рана зарубцевалась. Медицинская комиссия признала меня ограниченно годным к службе в Вооруженных силах. Демобилизовался. Стал инвалидом Великой Отечественной войны. Стал делать все возможное и невозможное, чтобы поправить здоровье. Началась жизнь в гражданских условиях, но это уже другая жизненная страница.

Какие же итоги моей фронтовой жизни:

- Фронт (война) закалил морально, но ослабил физически.
- Получил шесть ранений. В трех случаях не покидал строя, т. е. продолжал участвовать в боях, а лечение (перевязки) делались в санчасти полка. Трижды проходил лечение в госпиталях.

Награжден двенадцатью боевыми наградами:

- три ордена Отечественной войны I степени;
- орден Отечественной войны II степени;
- орден Богдана Хмельницкого;
- орден Красной Звезды;
- медаль «За отвагу»;
- медаль «За боевые заслуги»;
- медаль «За оборону Сталинграда»;

- медаль «За взятие Берлина»;
- медаль «За освобождение Праги»;
- медаль «За победу над Германией в войне 1941-1945 гг.».

В послевоенные годы, в период службы в Вооруженных силах и нахождения в отставке награжден тремя медалями за безупречную службу в Вооруженных силах, медалью «Ветеран Вооруженных Сил». За 25 календарных лет пребывания в армии, 13 юбилейных наград и три награды за военные заслуги перед Украиной. Всего 32 правительственные награды.

Прошли годы трудностей и восстановления. Работал и учился. Создал счастливую семью. Стал врачом. В 1949 году в Вооруженные силы призывались офицеры запаса, имеющие боевой опыт. Призвали и меня как политработника. Так я вновь стал в ряды защитников Отечества. Служба в Вооруженных силах. Учеба (окончил Военно-политическую академию, Педагогический институт). Прослужив более 25 календарных лет в Вооруженных силах, уволился из армии по болезни. Медицинской комиссией был признан не годным к службе ни в военное, ни в мирное время. Уволился в звании полковника. Имею прекрасную дружную семью. Жена — педагог. Ее уже нет с нами.

Дочери: Лариса — лауреат Государственной премии по науке и технике; Ирина — профессор Московского государственного педагогического университета.

Внучка — Елена, кандидат педагогических наук; правнуки — Орест и Северин.

Я окружен вниманием и заботой. В свое время говорили: чтобы в полноте познать жизнь, нужно пережить войну, голод и любовь. Все это я пережил. Я счастлив.

Заключение

Заканчивая свои записи, невольно возвращаешься к прожитому и пережитому. Закончилась победоносно война. Позади 1408 дней и ночей невероятных трудностей и героизма. С гордо поднятой головой фронтовики возвращались домой. С присущим им патриотизмом и великой ответственностью за судьбу Родины восстанавливали разрушенное войной народное хозяйство. Возродили и приумножили мощь страны в период сложных послевоенных лет «холодной» войны. Многие продолжали службу в Вооруженных силах, передавая молодежи свой огромный фронтовой опыт. Главкомандующим бронетанковыми войсками Советской Армии стал бывший командир 114-го гвардейского танкового полка Курцев Б.В., генералами стали начальник штаба 16-й гвардейской пятиорденноносной механизированной бригады Щербак, командир взвода разведки Радугин М.Я., начальник штаба 114-го гвардейского танкового полка Меркулов Н.С., полковниками стали связист Скляров А.Г., разведчик Петров В.И., начальник штаба артиллерийского дивизиона Зайцев К.С., командир артиллерийского дивизиона Рубленко М.А., помощник начальника политотдела Иванов М.К. и другие. Помощник начальника политотдела 6-го гвардейского механизированного корпуса полковник Дементьев В.Д. стал профессором, доцентами стали полковник Потапов, майор Лившиц Я.С., старший лейтенант Подкин В.А. Все однополчане вели и ведут работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Я упомянул только тех, кто упоминается в моих записках. Проходят годы, стареют убеленные сединами ветераны. Но боевая дружба не стареет. Достаточно посмотреть на ветеранов в период встреч на дни Победы, на юбилей 4-й гвардейской танковой армии, на их молодецкий задор, на их крепкую фронтовую солдатскую дружбу. Нужно отдать должное, большую благодарность и признательность Якову Лазаревичу Лившицу за создание Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии и многолетнюю работу в нем. Только благодаря его усилиям ветераны армии узнавали адреса однополчан, их дни рождения. Только его усилиями организовывались встречи ветеранов армии. На встречах с теплотой вспоминали павших товарищей, кто ушел из жизни уже после войны. Вспоминалась и вспоминается наша комсомольская героическая юность. Как бы ни излагали историю комсомола современные историки, комсомол был организацией, воспитывающей патриотизм, гордость за свой народ,

интернационализм, организованность и высокие моральные качества у молодежи. С этой организацией связана часть нашей жизни. В комсомоле мы повзрослели, ощутили себя, познали, что значит быть патриотом Родины, что такое войсковое товарищество. Комсомол периода Великой Отечественной войны — это многомиллионная армия молодых воинов. Только за годы войны в комсомол вступило десять с половиной миллионов молодых людей. Молодежь с именем Родины шла в атаку и с этим именем погибала. Молодежь периода Великой Отечественной войны поистине героическое племя. За годы войны 3,5 миллиона комсомольцев награждены орденами и медалями. Более 7 тысяч комсомольцев стали Героями Советского Союза из 11 тысяч, получивших это высокое звание за все годы войны. Из 104 воинов, удостоенных этого звания дважды, — 60 комсомольцев. Это героическое племя вписало в нашу историю незабываемые страницы. Память о героических защитниках Родины вечна. Главная цель этих записок состоит в том, чтобы показать, как 17-18-летние юноши и девушки, придя в армию, на фронт, быстро выросли, мужали и становились закаленными воинами. Это особенно относится к воинам 1923 г. рождения. Этот год по статистике и по истории стал называться «погибшим годом». Из ста юношей и девушек, участвующих в боях, в живых остался один. Страшная цифра. Я не собираюсь умалить воинов других годов рождения. Останавливаюсь на этом годе рождения только потому, что родился в этом году и оказался по счастливой случайности в числе этого одного процента оставшихся в живых. Я безмерно благодарен моим однополчанам, которые поделились со мной своими воспоминаниями, которые запечатлелись в их памяти. Их фамилии следует назвать: Ривж В.Е., Барабанов П.И., Радугин М.Я., Ходжаян А.А., Васин И.В., Седов Г.И., Халезин П.И., Крохмаль А.П., Деревянко И.Х., Серовский Н.Д., Александров М.М., Сметанин М.В., Миронов Ф.И., Зайцев К.С., Полташевский Ю.В., Пельц С.Г. Время неумолимо. Нас, фронтовиков, осталось немного. Эти записки предназначены потомкам, чтобы, читая их, они прониклись гордостью за своих предков и стали бы такими же патриотами и так же любили и защищали свою Родину, как это делали мы.